

★ В ★ Я ★ Ч ★ Е ★ С ★ Л ★ А ★ В ★

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

КРЫСА

ШАЛЫГИН

Чужое
наследие

ЭКСМО

Преображенский

Вячеслав Шалыгин

Чужое наследие

«ЭКСМО»

2004

Шалыгин В. В.

Чужое наследие / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2004 — (Преображенский)

ISBN 5-699-13419-0

Миллионы созданных «золотых» людей стали ударным отрядом Первополю, стремящегося поставить крест на человечестве. В чудовищной схватке миров спасти обитаемые планеты мог только Великий Князь, обладатель магического перстня.

ISBN 5-699-13419-0

© Шалыгин В. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть первая	6
Пролог	7
Ноябрь 2324 г., Земля —	10
Ноябрь 2324 г., ОВК – Тирания – Технократия	28
Ноябрь 2324 г., Технократия – ОВК – Тирания	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вячеслав Шалыгин

Чужое наследие

Часть первая
Перстень Тирана

Пролог

Первополе стремительно теряло стабильность, и, казалось, уже ничто не сможет остановить этот процесс. Перворожденные – хранители и одновременно структурные частицы этой многомерной реальности – лишь наблюдали, не в силах что-либо предпринять. Причины их беспомощности были просты. Несостоявшееся рождение очередного хранителя, появление зародыша Изначальной, альтернативной реальности на одном из ключевых уровней-измерений, губительная виртуальная тень неподвластного Первополю человека... все это мешало предотвратить надвигающийся хаос. Мир Перворожденных трещал по швам.

– Мы должны собрать все силы, – задумчиво глядя на язвы галактического недуга, произнес Высший.

– Ты думаешь, у нас есть шанс выстоять? – Хранитель по имени Посланник осторожно коснулся атмосферы уродливой гористой планеты в системе желтой звезды. Пронзенная вихрем метеоров атмосфера полыхнула огненным дождем. – Взгляни вокруг. Только в этой окраинной области Галактики, решая одну элементарную задачу, Первополе ошиблось уже пять раз. Сбои наблюдаются на всех уровнях, они охватили большую часть секторов...

– И вообще, о каких силах ты говоришь? – поддержал Посланника перворожденный Великий. – Чтобы инициировать рождение нового хранителя, нам потребуется выждать четверть оборота Галактики. За это время Первополе разрушится.

– Вот поэтому я и предлагаю не ждать, а действовать! – Высший направил поток пыли вдоль гравитационного канала. В лучах ближайшей звезды пыль сверкнула почти забытым именем одного из перворожденных.

– Ушедший? – удивленно повторил это имя Мыслящий, старейший из хранителей. – Но ведь он родился неполноценным. В его теле не хватает семи важнейших компонентов! Мне горько это говорить, но по структуре и сути он ничтожнее любого Слуги. Чем он может быть нам полезен?

– Его недостатки следует обратить в преимущества, – убежденно заявил Высший. – Он бесполезен в деле сохранения и совершенствования Первополя, поскольку жалок в своем микроскопическом материальном воплощении и отвратительно похож на белковое существо, зато он способен стать нашим оружием в мире людей! Ведь мы не в состоянии напрямую бороться с человеком по имени Преображенный; он невидим для Первополя, да и мелок, как зловерная бактерия. Его невозможно придавить или растоптать. Его нельзя даже вытравить – Первополе не знает такого яда. И в катастрофах он всегда удивительным образом выживает. Но... Если мы не в состоянии уничтожить опасный микроб сами, значит, нам нужен такой же микроб. Только чуть крупнее и злее. Существо, способное поглотить Преображенного!

– Постой, Высший, – к точке сопряжения Первополя, в которой проходил Совет, приблизился Наблюдатель. – Мне непонятно, почему ты делаешь упор на уничтожение этого человека? Он лишь третья часть проблемы. Чтобы остановить разрушение нашей реальности, нам следует действовать масштабнее. Требуется уничтожить не только человека, но и его сообщников: Слугу и Того, кто выжил, а затем погасить очаг зарождающегося Изначального поля. У тебя есть решение этих проблем?

– Нет, но я уверен, что оно появится. А пока нам следует делать хотя бы то, что в наших силах. Уничтожив Преображенного, мы дадим Первополю передышку. Мы избавим его от разрушительного воздействия чуждой информационной тени. А заодно лишим создателей Изначального поля главного стимула. Ведь для них сам факт существования этого человека является доказательством их правоты. Когда Ушедший проникнет в мир людей и восстановит баланс на этом уровне, ситуация улучшится, и Первополе пойдет на поправку.

– Первополе – это самый сложный механизм, – с сомнением подумал Великий. – Устранив одну причину сбоев, мы не решим всех проблем... но попробовать стоит. Ничего иного просто не остается. Я согласен с Высшим.

Другие хранители все еще сомневались.

– Кроме того... – Высший многозначительно раздвинул энергооблако на уровне Судеб и выложил главный аргумент: – Кроме того, что Ушедший сможет устранить опасного для Первополя человека, в наших руках окажется матрица центра сопряжения Изначального поля! Без нее все усилия Слуги будут напрасными. Он сможет воссоздать структуру Изначального поля, но без матрицы, главного процессора, эта энергетическая сверхмашина будет просто макетом, прозябающим в изоляции абсолютной пустоты.

– Разве матрица Изначального поля находится в руках невидимого нам человека?! – Посланник взволнованно протянул к далекой двойной звезде водородные опоры. – Как могла она к нему попасть?

– Мы же считали, что она безвозвратно утеряна! – вместе с ним возмутился Наблюдатель. – Если ты знал о ней, Высший, то должен был сообщить Первополю!

– Я и сам недавно понял, что это она, – признался Высший. – Когда Слуга построил третий уровень своего энергополя и заготовил место для помещения в него главного процессора.

– Проблема серьезнее, чем мы предполагали, – сурово заявил Мыслящий. – Изначальное поле сильнее нашего по определению. Если оно получит матрицу и достаточно окрепнет, нас ожидает вечное заточение в многомерном капкане. Если Высший не ошибся и матрица находится в руках нерожденного, в первую очередь надо уничтожить человека и этот процессор. Теперь я тоже согласен с Высшим. Следует призвать Ушедшего.

– Сбой в Первополе будут продолжаться, а значит, Ушедший рискует не меньше любого смертного, – все еще упрямясь, возразил Посланник. – Ведь, приняв облик человека, он станет крайне уязвимым. Что, если он случайно попадет в один из неуправляемых катаклизмов?

– Он будет чувствовать опасные зоны, ведь они – болезнь Первополя, а он его часть, как и каждый из нас. Даже перевоплотившись в белковое существо, он частично останется перворожденным. Так что, Посланник, не волнуйся, Ушедший не станет человеком. Он будет сверхсуществом.

– Но все же существом.

– Да. Я согласен, риск есть. Но на карту поставлена судьба Первополя.

– Хорошо, – нехотя согласился Посланник. – Надо звать Ушедшего.

– А он придет? – осторожно спросил Наблюдатель. – Что, если он не простит нам прежних обид, ведь мы его изгнали.

– Ушедший разумен и неэмоционален, он поймет, что это было необходимо для сохранения стабильности в Первополе.

– А когда он исправит ситуацию и в Первополе снова наступит стабильность, мы опять его прогоним? – чтобы придать словам оттенок сарказма, Наблюдатель провел магнитной опорой по ионосфере кислородной планетки на окраине ближайшего рукава Галактики. Полыхнувший шторм плавно перебрал все цвета и оттенки спектра и погас.

– Мы постараемся довершить его рождение, – заявил Высший. – Семь недостающих компонентов его тела мы сможем взять из зачатков так и не родившегося Последнего. Первополе сумеет это сделать, я уверен. Разве это будет несправедливо?

– Вполне, – Наблюдатель снова «усмехнулся», но теперь скорее горько, явно не одобряя циничность Высшего. – Я ожидаю от Ушедшего вполне резонного вопроса – зачем мы вообще затеяли столь печально обернувшееся рождение Последнего, если можно было просто добавить в готовую структуру Ушедшего недостающие компоненты? Зачем все эти Катастрофы и тотальное уничтожение людей? К чему было начинать войну?

– На этот вопрос пусть отвечает само Первополе, – отрезал Высший.

– Ты же знаешь, оно не ответит, – Наблюдатель подался назад от центра сопряжения. – Иногда мне даже кажется, что оно знает не так много, как нам того хочется.

– Твои мысли кощунственны, – осудил его Мыслящий.

– Да, – Наблюдатель скользнул на уровень Решений, – но вы все прекрасно понимаете, что я прав. Первополе дает сбой вовсе не потому, что Слуга начал строительство альтернативного варианта многомерной реальности. И оружие Изначальных, или человек по имени Преображенский, тут тоже ни при чем. Это все следствия. Причина сокрыта в ином. Первополе было дефектным с самого зарождения. Я не знаю, почему так вышло, я был создан гораздо позже, но я это вижу. Так же, как вы все.

– Как ты смеешь! – возмутился Великий. – Кто дал тебе право обвинять Первополе в некомпетентности?!

– Я обвиняю его в ущербности, вот в чем штука, – печально ответил Наблюдатель, все больше удаляясь от точки проведения Совета. – Хотите позвать Ушедшего, я согласен. Только объяснитесь с ним без меня. И когда его миссия провалится, а Первополе окончательно выйдет из-под контроля, меня тоже не зовите. Я больше не желаю участвовать в этих играх. Я просто хочу выжить...

Последние слова Наблюдателя прозвучали уже нечетко. Он вышел слишком далеко за пределы реальности, соединяющей Перворожденных. В круге Совета надолго воцарилось молчание. В истории Перворожденных – хранителей и одновременно составных частей Первополя – бывало всякое: и неудачные рождения, и изгнания, и долгие споры о целесообразности тех или иных событий, но еще никто не отказывался хранить многомерную реальность. Никто не отрекался от Первополя – энергетической сверхмашины, создающей и накапливающей информационные отражения большей части процессов и частиц Галактики. Ведь в служении ему заключался весь смысл жизни хранителей.

Но в чем-то Наблюдатель был прав. Первополе не стало идеальной сверхмашиной. Его программа сбила, например, теряя из виду людей и, чтобы не признаваться в ошибке, объявляя их нерожденными. Эту хитрость все хранители давно раскусили... и тут же приняли по умолчанию версию, оправдывающую Первополе, поскольку так было удобнее. И катастрофы, сопровождающие рождение каждого очередного хранителя, тоже не были нормой. Мыслящий однажды просчитал верный алгоритм и пришел к выводу, что в идеале никаких разрушений материи быть не должно. Но исправлять программу не стали, поскольку пришлось бы пожертвовать значительными информационными массивами, а это противоречило главной цели Первополя – созданию всеобъемлющего галактического банка данных. В программе крылось и множество других изъянов, но ведь иной программы попросту не существовало! Перворожденным приходилось хранить то, что имели. Хранить и развивать. Пусть и осознавая, что Первополе дефектно. Что с того? Ведь это и родной дом, и мать с отцом, и смысл жизни. Ничего и никого из этого списка выбирать не дано. Ни энергополевым сущностям, ни сверхсуществом, ни людям...

Глава 1

Ноябрь 2324 г., Земля — Объединение Вольных Княжеств

Единственным источником света была голограмма циферблата, висящая слабым контуром над письменным столом. Великий князь Преображенский чуть приподнял голову и взглянул на часы. Половина третьего. Сегодня князь лег раньше обычного, с твердым намерением наконец-то выспаться, но заснуть так и не смог. Не помогли ни рюмка семнадцатилетнего грузинского коньяка, ни ласки княжны Оксаны. Был момент, когда Сергей Павлович почти провалился в сладкое полузабытье, но длилось оно всего минут десять. Где-то на пороге крепкого сна, когда эго почти растворилось в ленивом море подсознательных образов, Преображенскому почудилось, что рядом с ним дремлет не Оксана, а Нина. Сергей Павлович осторожно и нежно прикоснулся к ее обнаженному плечу, и тут его будто обожгло, а из глубин памяти вырвалось видение – мраморный склеп и скамья, на которой, оплакивая жену, он провел долгие часы. Сон тут же отступил, и князь уставился в темноту, тщетно пытаясь успокоиться и унять выскакивающее из груди сердце. Нины больше нет. И спящая рядом женщина никогда ее не заменит. Она может стать кем-то другим, таким же близким, но не заменой. Слишком глубока душевная рана от потери жены, чтобы залечить ее так скоро. С этой раной придется жить еще долгое время. Мучиться и терпеть, заключив боль в силовую орбиту воли и выстраивая новое счастье снаружи барьера.

Симпатия, возникшая между Преображенским и княжной Оксаной, второй дочерью Ивана Гордеева, предшественника Сергея на троне Великого Князя, – это лишь способ выжить и не сойти с ума в круговороте жутких событий. О любви пока не могло быть и речи. Они оба это понимали, но не отказывались от немногих часов нежности и тепла, даря их друг другу со всей искренностью, на которую способны. Пусть при этом они вспоминали своих любимых – муж Оксаны погиб примерно в то же время, что и княгиня Преображенская, – но это скрывалось глубоко в душе. Об утратах никогда не говорилось вслух, будто жизнь началась ровно месяц назад, когда Оксана впервые пришла в покои Сергея Павловича не как княжна Гордеева на аудиенцию к Великому Князю, а неофициально. Пришла и осталась...

Да, о любви речь пока не шла. Возможно, когда закончится траур и боль уступит место грусти, Сергей и Оксана найдут в себе силы снова любить, но пока... Возникло родство душ и полное взаимопонимание. Они словно бы перескочили романтический этап взаимоотношений и сразу перешли к этапу построения семейного счастья. Ведь когда уходит страсть, семья остается прочной и счастливой при соблюдении именно этих условий. Возможно, придет и любовь, но не сейчас. Слишком рано.

«И дел невпроворот. Так что личная жизнь подождет. К тому же никто никого не торопит. Ведь нам с Оксаной спешить некуда...»

Преображенский осторожно отодвинулся от княжны и сел. Отреагировав на его движение, усилилась подсветка часов. В спальне стало светлее, и князь различил плавные контуры тела Оксаны. Она спала безмятежно, чуть повернув голову в сторону Сергея. Князь невольно залюбовался. Красивые, правильные черты лица, длинные, чуть выющиеся темные волосы, упругая грудь, плавные изгибы живота и бедер...

Лишь чувство ответственности государственного деятеля заставило Сергея встать и неслышно направиться к двери в кабинет. Если бы не сводка о состоянии дел в Колониях, отложенная вечером, в связи с приходом Оксаны, Преображенский ни за что не покинул бы ложе. Княжна ничем не напоминала Нину, но в этом-то все дело. Именно поэтому, даже во сне не приемля замену, Сергей Павлович всей душой тянулся к этой женщине. И пусть пока это не любовь. Но она обязательно придет. Не может не прийти, когда люди относятся друг к другу с такой теплотой...

Князь набросил халат, прошел в кабинет и плотно закрыл за собой тяжелую старинную дверь из натурального дуба. Здесь его ждала совсем другая жизнь. Водоворот дел и тяжелые гири ответственных решений. Причем, чтобы справиться со всеми задачами, следовало бросаться в «водоворот», держа «гири» в руках. И пытаться при этом выплыть. И почти никаких спасательных кругов. Раньше можно было опереться на огромный опыт Гордеева и его советников, теперь же единственной опорой служили намеки и невнятные подсказки от Ван Ли. Хорошо, хоть на душе не так скверно, как раньше, спасибо Оксане...

Сергей Павлович сел за стол и взял в руки терминал с текстом сводки. Составителем значился Иннокентий Семенович Панин, бывший атташе посольства Каллисто на Земле, а ныне Генеральный инспектор административных и финансовых колониальных учреждений. Если не брать в расчет высшее командование армии и флота, по нынешним временам игравшее главную роль в жизни ОВК, должность стала третьей по значимости после премьер-министра и генерального прокурора. Карьерный взлет получился стремительный, но Панин его заслужил. Он грамотный, умный и честный человек. Поэтому Преображенский мог доверять ему, как себе. Плюс ко всему, Иннокентий Семенович уроженец Каллисто, а на родине нынешнего Великого Князя преданность правителю возведена в абсолют.

Преображенский пропустил вводную часть и нашел главное: ход восстановительных работ на наиболее трудных участках и настроения, преобладающие в кулуарах колониальных правительств. Опыт атташе пригодился Панину и на новом месте работы. Чтобы улавливать едва заметные нюансы и видеть скрытые течения, необходимо тонкое дипломатическое чутье. И у Иннокентия Семеновича оно развито в полной мере.

Панин считал, что лояльность колонистов далека от идеала. Они прилагали максимум усилий для восстановления планет, опаленных пожаром Катастрофы, и без стеснения расходовали немалые финансовые вливания государства, но вместе с тем вели непрерывные переговоры друг с другом, сколачивая некую тайную коалицию, в центре которой значился космический город Эйзен – в прошлом известное смутьянское гнездо. А некоторые правительства и влиятельные промышленные группы, как, например, Совет Представителей Мирры, бундеспарламент Юнкера или Корпорация «Ливэй» с Колонии Деа, даже встречались с эмиссарами опального князя Бородача, активно разыскиваемого великокняжеской контрразведкой по всему ОВК. Называть эти телодвижения подготовительным этапом заговора было пока рано, но и игнорировать – неразумно.

Преображенский не мог не согласиться с мнением Генерального инспектора. Пока идет восстановление экономики Колоний, опасаться, пожалуй, нечего, но как только периферия снова почувствует под ногами твердую почву, накопит ресурсы и создаст боеспособные силы самообороны, центр вновь столкнется с проблемой управляемости отдаленных территорий. С планетами и спутниками внутри Солнечной вряд ли возникнут проблемы, исключением может стать лишь все тот же Эйзен, искусственный спутник Плутона-Харона. А вот города и Колонии, прозябающие дальше облака Оорта, и особенно в Поясе Освоения, обязательно припомнят Земле прошлые обиды. Вряд ли это будет явное неподчинение – усмирять бунты армия ОВК умеет, и никто в здравом уме не захочет разделить участь «усмиренных» Данаи, Терции и Европы. Но саботаж, поддержка террористических групп, таких как банда Бородача, и народные волнения – гарантированы. А уж если, не дай бог, случится разлад с зарубежными союзниками, пятая колонна непременно постарается столкнуть лбами ОВК с Тиранией или Технократией и под шумок заработать себе вожделенную независимость.

Такие, в общих чертах, сделал выводы Панин. Князь откинулся на спинку кресла. Пищу для размышлений инспектор дал обильную и горькую. Однако переварить информацию Сергею следовало в любом случае. Вот только...

Князь прислушался. Во дворце стояла тишина, но не обычная, сонная, а какая-то чрезмерная: ни шорохов, ни едва различимого бормотания инфоканалов в покоях полуночников,

ни шагов охраны. Кремль словно бы вымер. Определенно, с минуты на минуту должно произойти нечто особенное. Сергей Павлович даже предполагал – что. Преображенский включил главный комп и вызвал голограмму секундомера. Осмысление сводки откладывалось.

Первый взрыв прогремел глухо, словно глубоко под землей. Пол под ногами дрогнул, но не сильно. Зато на первом этаже приемной повывлетали, наверное, все стекла. Второй и третий раскаты прозвучали гораздо басовитее. От них задрожал не только пол, но и стены, а по идеально натянутым потолкам прошла стремительная волна. Звон сигнальной системы и топот ног бегущих по коридорам солдат дополнил шумовую картину последними штрихами. Особых сомнений не возникло изначально, но теперь-то любой фрейлине стало бы понятно, что во дворце происходит неладное.

Преображенский коснулся кнопки секундомера и, отложив листок-терминал с неутешительной сводкой, помассировал веки. Ни минуты покоя. Сплошные дела и эта тяжелая роль Великого Князя.

Он отнял руки от лица и перевел взгляд на зеркало. Для исполнителя главной роли выглядел он не очень. В темных волосах проступила обильная седина, из глаз исчез огонек и былая прозрачность, а под ними наметились мешки. Меж нахмуренных бровей и вокруг рта пролегли глубокие складки, а губы даже сейчас плотно сжаты. Портрет государственного мужа, обремененного высшей властью и тяжким грузом проблем. Человека, лишенного возможности побыть самим собой даже глубокой ночью. Разве что недолго, в объятиях женщины. Но затем все равно приходилось вновь превращаться в твердокаменного идола. В человека без возраста и права на усталость. В человека без пристрастий и эмоций. В безошибочную машину, управляющую огромным межзвездным государством.

Сергей Павлович нахмурился. Изображение в зеркале ответило тем же. Вот он, хозяин Галактики и опора Объединения Вольных Княжеств. Политик, остановивший войну с государствами за Рубежом, и полководец, выигравший первую битву с непобедимым врагом из внепространственных миров. «Тот, кто идет» – для технократов и «Единственный» для подданных Тирана. Человек, принадлежащий всем, но только не самому себе...

И это некогда обаятельный, мягкий и душевный князь Сергей Павлович! Самый справедливый и добрый из множества удельных правителей Солнечной, да и всего ОВК. Любимый народом не только на родной Каллисто, но и на Земле, Венере, Ганимеди и десятках прочих миров. Даже на Европе, планете-океане с двумя маленькими искусственными континентами, которой до Катастрофы правил его извечный соперник князь Василий Борисович...

Где все это теперь? Ничего не осталось. Нет больше милейшего князя Сергея. Теперь он Великий Князь Преображенский. Жестокий, решительный и волевой. Как же это утомительно – ежедневно, после коротких часов не приносящего облегчения отдыха, вновь входить в образ того, кем никогда бы не стал, будь хоть немного дальновиднее и мудрее. Но теперь отступить поздно и некуда...

Сергей Павлович перевел взгляд на часы. Три ночи. Самое время для диверсий. Князь встал и, недовольно поморщившись, прошелся по кабинету. Двадцать девять секунд... А если эти взрывы только отвлекающий маневр и главные силы диверсантов зашли с другой стороны? Тридцать три секунды... Судя по звуку, взорвалось в южном крыле. Вполне разумно предположить, что основная атака будет в северном. То есть здесь, в великокняжеских покоях. Сорок секунд...

– Ваша светлость! – В кабинет ворвался взмыленный лейтенант Горохов. – Диверсия!

– Я уже догадался, – Преображенский кивком указал на голограмму секундомера. – Скоро минута, как я жду хоть какой-то реакции охраны. Меня за это время можно было убить раз десять.

– Так ведь, охрана на месте, – Горохов отвел взгляд. – Усиленный вариант... Теперь усиленный. Но и во время взрыва караул стоял, где положено и в достаточном количестве!

– Нет, Горохов, не твоя это стихия, – сделал вывод Сергей Павлович. – Не тянешь ты на охранного начальника. Придется тебе всю жизнь в адъютантах просидеть.

– Да я и не стремился на этот пост, – лейтенант покраснел. – Зря вы Игоря Ярославича домой отправили. Он бы тут службу поставил как надо.

– А на Каллисто кто будет заправлять? Ты?

– Там есть Совет губернских старост, премьер-министр... Они бы и без Воротова справились. Он же полковник спецвойск, в гражданских делах от него мало проку. Особенно в мирное время.

– Война еще не окончена, – назидательно произнес князь. – Ладно, рассказывай, что там за террористы нас бомбили? Какая вводная?

– Ну-у... что проникли злодеи и хотят выкрасть вас вместе с перстнем Сунджи. Ну или один только перстень.

– Ты сам такую учебную задачу придумал или технократы подсказали? – Преображенский невольно взглянул на массивный перстень с крупным рубином.

– Какие теперь технократы? – Горохов удрученно покачал головой. – Умотали все. А нам после Катастрофы о чем еще печалиться? В ОВК воевать особо не с кем. Людей почти не осталось. А против чудов-юдов, которые, рожая одного недоноска, стирают полгалактики в пыль, воевать бесполезно. Только уворачиваться. А еще чему учиться? Получается, противодействию диверсантам с той стороны Рубежа.

– Они же наши союзники, – Преображенский невесело усмехнулся.

– Ну да, – Горох скривился. – А как зыркают они на ваш «символ галактической власти», вы видели? Того и гляди, набросятся и прямо с пальцем отгрызут. И всех своих военных советников они зачем-то отозвали. Недоброе замышляют зарубежные человечки, как пить дать. Сильно им обидно, по-моему, что Сунджа их наследством обделил. Особенно Тирану. Он вообще мужчина горячий, а в обиженном состоянии, думаю, на многое способен... Он же хоть и не понимает, на кой черт сдалась эта печатка, а куш-то чувствует. За Рубежом ведь все просто. «Пророк не ложный меж богов великий Зевс...», ну, то есть – Сунджа. А коли так, у кого его перстень, тот и «над будущим царь». А как сей волшебный причиндал включается и что вытворяет – вопрос пятьсот пятый. Я бы на вашем месте перстень этот проклятуший в сейф запер да сверху бетоном залил. Армированным. Или в Солнце торпедой...

– Хватит уже Солнцу торпед, – Сергей Павлович многозначительно взглянул на адъютанта. – Идем, поставим твоим орлам оценку.

Они вышли из кабинета и тотчас попали в плотное окружение эскорта из дюжины десантников. В дополнение к охране из бывших спецназовцев армии Каллисто теперь, когда князь Преображенский занял высший пост, охрана стала называться великокняжеской – так вот, в дополнение к ним впереди вышагивали еще и два боевых робота из оперативной бригады Старшего техника Миллора. Командующий армией технократов подарил их лично Великому Князю. Шанса выяснить, насколько хороши эти машины в бою, пока не представилось, но это Сергея и радовало. Он подозревал, что процентов на десять спокойствие во дворце обеспечивается одним фактом присутствия этих техночудищ. Жаль, что на Земле, да и вообще по эту сторону Рубежа, их осталось только два экземпляра. Все остальные улетели вместе с командующим и его инженер-офицерами домой, в Технократию Роммы, за сверкающий золотыми нитями неизвестного вещества Рубеж, соединивший два, еще недавно бесконечно далеких сектора Галактики в некое подобие «сообщающихся сосудов». Со всеми втекающими и вытекающими последствиями, далеко не всегда безобидными.

Совсем недавно в штате охраны числились и воины Тирании Чин, другого зарубежного государства, тоже заключившего с землянами мир, правда, не так «охотно», как истерзанная ядерными бомбардировками Технократия. Но дарить своих солдат Преображенскому зарубежный правитель Ергелан не стал. Более того, все чиниды были отозваны еще раньше технокра-

тов. Судя по всему, ловкий трюк Ван Ли, тайного помощника князя Сергея, возымел на Тирана Ергелана и Главного инженера Кноппуса лишь временное действие. Перстень Сунджи, который предъявил правителям парламентар, не стал панацеей. Сначала оба зарубежных лидера воодушевились, но когда Ван Ли заявил, что Преображенский и есть тот Единственный, тот Идущий, о котором говорится в древних пророчествах, они мгновенно скисли.

Скорее всего, Ван Ли действительно перестарался, и то, что главная реликвия зарубежья досталась Преображенскому, человеку из чужого мира, а не одному из «законных наследников» древнего тирана Сунджи, сыграло, по большому счету, отрицательную роль. Ведь ни Сергей Павлович, ни Ван Ли, ни его призрачный покровитель из высших сфер не могли открыть союзникам всю правду о сути развернувшегося в двух соединенных мирах противостояния...

Они не могли рассказать, что постигшая их миры Катастрофа – всего лишь отзвук, побочный эффект таинства рождения высшей сущности: двенадцатого хранителя Первополя – многомерной энергоинформационной структуры, зачем-то стремящейся создать виртуальное отражение всех элементов Галактики. Союзники им все равно бы не поверили. Да и поверив, не сумели бы ничем помочь. В неведомые высшие сферы и лабиринты соседних измерений могли заглянуть лишь двое: Преображенский, единственный человек современности, не имеющий отражения в Первополе, и Ван Ли – последний из народа Сунджи. По сути – полубог...

Кстати, проблема доверия стояла не только перед участниками тройственного союза. Сергей Павлович, например, абсолютно не понимал, как «полубог» Ван Ли умудрился не только уцелеть, но и прожить довольно долгое время после исчезновения своего народа. Преображенский знал, кто помог Ван Ли, но как это осуществлялось на практике? Тайный покровитель помогал и Сергею, но исключительно добрым словом и своевременным советом. Вряд ли слова могли защитить человека от вакуума, огня или галактического взрыва. А ведь народ Сунджи погиб в катастрофе гораздо большего масштаба, чем та, которая постигла государство землян и Тиранию-Технократию. Что за секрет хранил Ван Ли и почему скрывал его даже от Сергея? Не доверял? Тогда должен ли доверять ему князь?

«Ты говоришь о народе Сунджи?.. Ты хотя бы знаешь, что это был за народ и кто был Сунджа?» – вспомнилась Преображенскому недавняя напряженная беседа с существом из другого измерения, перворожденным по имени Высший. Тогда Сергей Павлович был твердо убежден в собственной правоте и ответил хранителю Первополя довольно резко:

«Мне все равно. Они имели право на жизнь, а вы его отняли. Вы судили их не будучи законными судьями».

Но перворожденный говорил довольно убедительно. Более того, тепер, остыв и подумав спокойно, Сергей Павлович понял, что Высший был по-своему прав.

«Их судило Первополе. Оно имеет право на все, что его составляет. Ведь ты не спрашиваешь разрешения у головной боли, когда выпиваешь таблетку, чтобы от нее избавиться?»

«Мы тоже стали для Первополя головной болью?»

«Теперь – да. Но еще не поздно. Ты можешь исправить положение».

«Я не буду этого делать. Разбирайтесь у себя в многомерных лабиринтах сами. А нам просто оставьте наше обычное пространство и время».

Тогда Преображенский был взвинчен и страшно зол на перворожденных, которые добились своего, не обращая внимания на потери человечества, а потому слушал только себя. Но ведь князь и сам зачастую ставил интересы всего ОВК выше интересов отдельных планет. Наводя в Галактике «порядок», он превратил в радиоактивное пепелище Даная, бомбил Терцию и Европу, подверг репрессиям население мятежных Юнкера, Старта и Натали... Вспомнившая теперь слова Высшего, он относился к ним иначе. Более трезво. А вдруг хранитель был прав?

«Ты даже не заметишь, как у твоего народа отнимут и то и другое... Ты думаешь, твои союзники бескорыстны? Думаешь, они праведники, восставшие против угнетения? А ты не

задумывался над тем, что любая частица почитаемого ими Изначального мира уничтожает материю твоей Галактики?! Не только Первополя, до которого тебе справедливо нет дела, а всего Млечного Пути, того самого участка бесконечной Вселенной, в котором помещается и твое любимое пространство и твой вариант хода времени! Изначальное поле – это антимир, в котором каждая частица имеет противоположный заряд, а каждый миг вливается в обратный поток отсчета антивремени. Неужели ты до сих пор не осмыслил такие очевидные вещи?»

«То, что Изначальное поле – это информационная основа антимира, – лишь твое голословное утверждение, Высший. Если не сказать больше – полный бред! Я тебе не верю... И оставь меня в покое!»

«Хорошо. Но не удивляйся, когда окажется, что я прав и что людям лучше было бы перетерпеть неприятный момент рождения Последнего, нежели вверять свою судьбу пришельцам из темных миров! Возможно, осознав ошибку, ты захочешь воззвать к перворожденным. Я оставлю тебе такой шанс. Всего один. Пусть это будет твоей страховкой от последней, фатальной ошибки. Слуга дал тебе перстень Сунджи, но даже он не знает всей его силы. Когда придет время воспользоваться этим подарком, вспомни о нашем разговоре и сделай правильный выбор...»

«Я его уже сделал! – заупрямился Преображенский. – А вы, если не хотите, чтобы вам мешали, перенесите колыбель Последнего в другую Галактику! Ведь для вас это проще простого. Так что же вы привязались к нашим звездным мирам? Ведь Вселенная бесконечна!»

Высший тогда ничего ответил. Он просто «отключил связь». Слово не видел смысла убеждать упрямого человека в необходимости думать, прежде чем решаться на серьезные шаги. Так безрезультатно закончились единственные переговоры с главным противником. Сейчас-то князю стало понятно, что ситуация в смежных мирах действительно не столь однозначна, как ему казалось вначале. Но в тот момент он был в запале, а теперь пятиться поздно. Свой выбор он сделал и, похоже, обрек себя на одиночество, не доверяя даже ближайшему союзнику. А уж Тирану и технократам – подавно. Потому их тройственный союз и распался на глазах...

– Ты с зарядами не перестарался? – негромко спросил князь у Горохова, когда эскорт остановился перед проломом в стене резервного хранилища. – Учения учениями, а в государстве кризис. Стройматериалы в дефиците. Без этой дыры было никак?

– Я... сам не пойму, ваша светлость, – Горохов лихорадочно порылся в карманах и вынул мятую бумажную схему. – Вот тут у меня все указано... Три хлопушки. Одна в подвале, одна напротив приемной, третья перед караулкой – вроде как чтобы охрану отсечь. Хранилища в плане не было!

– Но и дыры здесь тоже не было, – возразил Сергей.

– И дыры, – эхом ответил лейтенант. – Ерунда получается, ваш свет...

– Или утечка информации, – Преображенский задумался. – Кто знал о плане учений?

– Я и вы, – адъютант расстегнул воротник, но спохватился и застегнул снова. – Еще саперы. Двое. Только они наши, с Каллисто. Ветераны.

– И все?

– Да.

– А Катерина?

– Кто? Моя Катька? Не-ет... Ну то есть знала, что в три у меня «тревога», но в тонкости не вникала.

– Но о времени сболтнуть могла, – сделал вывод Сергей Павлович.

– Без умысла! – забеспокоился Горохов. – По безалаберности женской!

– Я понимаю, – успокоил его Преображенский. – А теперь подумай, кто мог знать, что здесь расположено спецхранилище?

– Вот уж точно – только свои! Мы ж его два дня назад оборудовали. И тоже силами наших саперов.

– Однако кто-то все же узнал и о том, что этот сейф построен специально для одного ценного предмета, – он поднял руку, демонстрируя перстень, – и о том, что взрывать следует именно в этом месте. Как это объяснить?

– За наших людей я готов поручиться, – уверенно отрезал Горохов.

– Здравая мысль, – князь перевел задумчивый взгляд на стоящих поодаль технократских роботов. – За людей... А за машины?

– На запчасти развинчу! – Лейтенант схватился за кобуру. – Пылесосы ходячие!

– Не спеши, – остановил его князь. – И не кричи так. Развинтить шпионов, если это действительно сделали роботы, мы всегда успеем. Сейчас будет полезнее использовать их в наших интересах.

– Какие тут интересы?! Они же скоро все государственные тайны разнюхают и технократам сольют!

– Вот мы и поможем им «разнюхать» то, что нам выгодно.

– Дезинформацию подкинем? Это я понимаю. Но вы не забывайте, что они еще и стрелять обучены. А вдруг им поступит приказ на вас покуситься?!

– А ты проследи, чтобы они его не получили, – Преображенский усмехнулся.

– Нет, все, ваша светлость! – Горохов поднял руки и шагнул назад. – Я, как временно исполняющий обязанности начальника вашей охраны, принимаю волевое решение!

– Любопытно, – Сергей Павлович сложил руки на груди и иронично улыбнулся.

– Я вызываю Воротова! С экономикой на Каллисто и без него справятся, армией Вяземский покомандует, от него не убудет, а в ваш фамильный дворец теперь сам шайтан не проникнет. Потому как его охраной Карим Мурза командует. Этого янычара даже бешеные псы стороной обходят... А здесь без Игоря Ярославича так и будет аврал за авралом.

– Волевое решение, ничего не скажешь, – Преображенский рассмеялся. – Свалить все проблемы на чужие плечи.

– А мне бы со своими проблемами разобраться! – в запале ответил Горохов. – Вот вы, ваша светлость, когда прилетел гонец из Пояса Освоения, поручали мне разобраться со странностями на Грации? Поручали. Я разобрался? Нет. Потому что в связи с дефицитом кадрового состава занялся не своим делом – начал командовать охраной Кремля. А поддерживать связи с Министерством Освоения и Комитетом по гражданской космонавтике, а координировать Чрезвычайную Службу и строительные бригады вы тоже мне поручали, или кому? Я их координирую? Нет! Поскольку ломаю голову над планами всяких учений! Которые в результате оказываются прикрытием для вражьих диверсий!

Он скомкал бумажку и швырнул ее в одного из роботов. Стальной воин даже не шелохнулся. Вот если бы комок бумаги бросил кто-то другой... Но лейтенант Горохов в его боевой программе числился под кодом «подлежит защите», вторым после князя.

– Что это ты разошелся? – князь нахмурился. – Нервы сдали?

– Виноват, ваша светлость, – лейтенант немного остыл. – Виноват... Только разжалуйте меня обратно, Богом прошу. Хоть в адъютанты, хоть снова в летный состав... Не гожусь я в начальники. Мозга тонка. Тоньше кишки.

– Ладно, – Преображенский рассмеялся. – Что с тобой делать? Вызывай Игоря, сдавай ему дела, а сам... Знаешь что, Горох, слетай-ка ты на Грацию. Совсем я закрутился и забыл, что после того гонца еще целых три рапорта с этой Колонии поступило. И все три какие-то странности описывают. Как бы там новая неприятность не сформировалась, пока мы тут завалы разгребаем.

– На Грацию? – адъютант почесал в затылке. – Планету вечного полдня? Это можно...

– Заодно и нервишки успокоишь, – Сергей Павлович похлопал его по плечу. – Можешь Катерину прокатить. Молоденьким фрейлинам на Грации нравится.

– Чего ж я в Тулу с самоваром-то? – буркнул Горохов.

– И то верно, – Преображенский снова рассмеялся и махнул рукой. – Трое суток командировки в рай. За верную службу. Совместишь полезное с приятным, позагораешь... но десятого как штык!

– Есть! – взбодрился Горохов.

Нет, все-таки напрасно он думал, что после потери любимой жены, кровопролитнейшей войны с чинидами, Катастрофы и множества других испытаний на прочность князь никогда не станет прежним. Вот же он, тот самый Сергей Павлович, спокойный и снисходительный, как когда-то на Каллисто. И ничего нет в нем от деспота и палача, коим его – если честно, не без оснований – считает половина подданных ОВК и Колоний...

* * *

Главная достопримечательность Грации, единственной обитаемой планеты в тесном звездном скоплении, вовсе не горы, как думают туристы-скалолазы. Самое впечатляющее – небо над планетой. Его украшают десятки крупных звезд, видимых даже в полдень. Плотность звездного скопления обеспечивает планете вечный день, и такое обилие света заражает местных жителей чуточку истеричной жизнерадостностью. А горы... Они красивы, спору нет, но считать их главным достоинством планеты по меньшей мере странно. Да, когда-то давно притяжение близких звезд повлияло на ее формирование. Так же, как, например, Луна повлияла на внешний вид и цикличность многих процессов на Земле. Близкие звездные массы тянули «одеяло» Грации каждая на себя, и в результате ландшафт на ней получился пересеченным. Это очень мягко выражаясь. Тот, кто дал планете название, наверное, желал пошутить. Или знал, что древнеримские грации – это те же греческие хариты, вечно юные, жизнерадостные богини, имеющие некоторое отношение к горам. Из множества покрытых густой растительностью отрогов особо выделялись три мощных хребта. Они разделяли главный континент планеты почти параллельными стенами на четыре части. Неудивительно, что каждый из хребтов получил имена трех наиболее известных граций-харит: сияющей Аглаи, цветущей Талии и благомыслящей Евфросины... Вот так романтично, хотя и опасно для ног.

Но так или иначе, Грация – не худшее место в Галактике. Пусть и гористая, зато богатая зеленью планета, купающаяся в жизнеутверждающем море солнечного и звездного света. И никаких тебе Катастроф и Метаморфоз, как в промышленных секторах ОВК, никаких проблем и кризисов. Тихая, спокойная твердь на самой окраине. Официально – в Поясе Освоения. Неофициально – у черта на куличках.

Ну и ладно, ну и не важно, где... Особенно, когда тебе двадцать, ты красива и полна счастливых ожиданий, а размышляешь об этом, сидя в окружении цветущих кустов на теплом солнышке и звездочках. И болтаешь ногами в прозрачной воде горной, но вовсе не холодной речушки...

– Шура, идемте купаться, – Стас поправил очки.

Девушка прищурилась и взглянула на кавалера. В очках он выглядел забавным. Такие штучки не носил никто уже лет двести, но технику экспедиции они почему-то нравились. Наверное, ему казалось, что в очках он выглядит солиднее. Смешной. Лучше бы подстригся да спортом занялся. Например, этим... где тяжести поднимают, а после мажутся кремом и принимают всякие обалденные позы на сцене. Шура однажды побывала на таком соревновании. Сидела в третьем ряду и видела на телах атлетов каждую жилку. Вот это мужчины! А Стас...

– Мне еще посуду мыть, – Шура вспенила ногами воду и склонила голову чуть набок. – Вы идите...

– А, давайте, я помогу вам с посудой, – предложил парень.

Нет, как ни смотри, но Шура, поварихе, а по совместительству – предмету обожания всей экспедиции, Стас не нравился. То есть как товарищ он ей конечно нравился, но как кандидата в кавалеры она его не воспринимала. В этом смысле ее вообще никто не интересовал. Ну разве что Павел Германович. Только в отличие от прочих мужчин научный руководитель экспедиции оказался неприступен, как скала. Даже как весь горный массив Аглая, у одной из пещер которого расположился лагерь. Его совершенно не волновали ни стройные ножки, ни талия, ни бюст поварихи, ни ее одухотворенное и потому вдвойне привлекательное личико с аккуратным чуть вздернутым носиком...

Шура взглянула на свое отражение в реке и вздохнула. Всего этого задумчивому ученому почему-то мало. Девушка никак не могла придумать, чем бы поразить Павла Германовича до такой степени, чтобы он хоть на минуту забыл о своих исследованиях. После долгих раздумий в голове осталась лишь одна мысль. Единственный выход – откровенный флирт. Сегодня же вечером.

Шура еще немного поболтала ногами в прозрачной воде и вновь подняла взгляд на все еще ожидающего ответа Стаса.

– Ой, я что-то замечталась... Что вы говорили?

– Давайте помогу, – парень улыбнулся.

Шурочку все именно так и называли – мечтательницей. Видимо, эта черта характера и являлась причиной того, что она иногда не успевала вовремя приготовить обед и все пересаливала, но возмущался по этому поводу лишь лохматый пес по кличке Барт.

– Я справлюсь, – Шура встала и потянулась.

Ее непосредственное поведение вызвало у Стаса новую улыбку.

– Ну ладно, – он покачал головой. – Может быть, вечером?

– Может быть, – девушка приставила ко лбу руку козырьком. – Кто это там не наелся?

– Смирнов, – взглянув в ту же сторону, определил Стас. – Ненасытное чудовище!

– Нет, он очень милый, просто еды ему действительно надо больше, чем другим, – Шура спрыгнула с мостков и пошла по дорожке к лагерю.

Экспедиция расположилась на небольшой площадке между двумя высоченными скалами. Они стояли, словно массивные колонны, по сторонам от входа в пещеру, где и пропадали весь рабочий день исследователи. В их отсутствие компанию Шура составляли только Стас – специалист по электронике, постоянно дежуривший у аппаратуры спутниковой связи, и Барт – специалист по охране лагеря от мелких хищников и грызунов.

– Юра, давай я тебе еще первого налью, – предложила Шура, приблизившись к столовой: паре лавок и общему столу под длинным навесом.

Увлеченный едой Смирнов вздрогнул, словно его застали на месте преступления, и, быстро прожевывая, помотал головой.

– Я уже пошел... – сквозь набитый рот промычал он.

– Да ничего ты не пропустишь, – Шура добродушно улыбнулась. – Ну удержишься на пять минут. Павел Германович даже не заметит.

– Ровно в три запускаем главную установку, – сообщил Смирнов, зачарованно наблюдая, как девушка выливает остатки борща в его тарелку прямо через край кастрюли. – А Барту?

– А у него сегодня особое меню, – Шура потрепала высунувшего язык пса по заливке. – Стас разделал барашка, и все, чему я не нашла применения, досталось господину начальнику охраны.

– Это счастье, – серьезно заявил Юра, уплетая густые остатки борща с таким аппетитом, словно до этого и не обедал.

Шура сочувственно провела ладонью по его массивному, мягкому плечу.

– Второго не осталось. Зато компота сколько угодно. Налить?

- Угу, – Смирнов кивнул, не отрываясь от борща.
- Юрий... – ожил лежащий на столе приемопередатчик. – Заканчивай обед...
- Голос руководителя экспедиции звучал очень строго.
- Павел Германович, он уже идет, – завершила Шура. – Только компот допьет...
- Весь?

Шутит руководитель или говорит серьезно, Шура, как всегда, не поняла. Он вообще очень сдержанный и даже мрачноватый для уроженца Грации, этот Павел Германович. Иногда он, конечно, улыбается и шутит, но это случается редко и зачастую оказывается за пределами Шурино понимания. Другие участники экспедиции могли смеяться над шутками Павла Германовича до слез, и не из вежливости, а от чистого сердца, но Шура примерно в половине случаев лишь смущенно улыбалась. Особенно когда шутки касались специальных вещей или произносились вот как сейчас – серьезным и ровным тоном.

- Иду! – крикнул Смирнов.
- И... прихвати... – половину фразы руководителя проглотили странные помехи.
- Что прихватить? – Юра вытер губы посудным полотенцем и поднялся из-за стола.
- Смирнов... куда пропал? – сквозь эфирный треск пробился голос Павла Германовича. –

Слышишь меня?

– Слышу! Что прихватить? – Смирнов удивленно взглянул на Шуру и пожал плечами. – Откуда такие помехи? Тут вокруг на десять километров никаких приборов, кроме наших...

- Юрий... слышишь меня?!

– Я-то слышу! – Смирнов повертел в пальцах-сосисках передатчик. – Вроде целый...

Сейчас приду!

- Смирнов! Черт, что со связью?!
- Может, Стаса позвать? – забеспокоилась Шура.
- Да, – Юрий бросил приборчик на стол. – Пусть разберется. А я пойду...
- А что прихватить? Павел Германович что-то говорил... Мы же так и не выяснили...
- Ничего, разберемся, – Смирнов провел рукой по объемистому животу и довольно улыбнулся. – Спасибо, Шурочка.

– На здоровье, – девушка поставила тарелку Юрия в большой тазик с моющим раствором. Эти ученые не жалели денег на свои дорожные приборы, но готовы удавиться, лишь бы не покупать практичную одноразовую посуду. Никакой заботы о нежных женских руках. Мужчины называется! – К ужину не опаздывайте. А то заработаетесь, как вчера. Я три раза разогревала.

– Можешь мне довериться, – Смирнов клятвенно приложил руку к груди. – Исследования исследованиями, а обед по расписанию. Ужин и завтрак – тем более.

Он надел панаму и, тяжело ступая, двинулся вверх по склону. При его весе каждый такой подъем мог считаться отчасти подвигом.

– Ладно, пойду за Стасом, – Шура покосилась на тазик с посудой. – Помыть всегда успею. Барт, охраняй!

Она погрозила собаке пальчиком и направилась по склону вниз, к большой отмели, где, сгоняя послеобеденную дрему, плескался Стас. За шумом бурлящей между валунами воды Шура не услышала нового вызова.

– Шура! Стас! – ожил оставленный на столе прибор. – Ответьте! – Голос Павла Германовича звучал тревожно и даже немного испуганно.

- Ребята! Срочно ответьте!

Барт подошел к столу и, нетерпеливо поплясав, несколько раз пролаял. Иначе ответить он не мог, а потому руководитель экспедиции продолжил вызывать Стаса и Шуру. Барт жалобно заскулил и заметался, словно разрываясь между инстинктивным желанием бежать вверх по тропинке, в пещеру, где явно что-то случилось, и неясным чувством, которое люди называли бы

проблеском мысли. Наконец, неведомое «мыслительное нечто» победило, и Барт, аккуратно взяв в зубы приемопередатчик, помчался вниз к реке.

– Что случилось? – высвободив приборчик из зубов Барта, спросил Стас.

На дисплее высвечивалась надпись «связь прервана».

– Вот, я же говорила, – Шура с тревогой взглянула в сторону пещеры. – Павел Германович был чем-то встревожен. Надо пойти посмотреть!

– Идем, – Стас быстро натянул штаны прямо на мокрые плавки. – Барт, вперед!

Пес умчался вверх по склону с такой прытью, будто преследовал дичь. Когда Шура и Стас, запыхавшись, добрались до пещеры, собака успела вернуться из прохладных лабиринтов и теперь тревожно поскуливала, сидя у входа.

– Где они, Барт? – Шура погладила пса. – В каком тоннеле?

Пес коротко гавкнул и метнулся в полумрак. Первым за ним пошел Стас. Девушка опасливо оглянулась и, вздохнув, двинулась следом. Темноту она не любила. Однажды, еще в школе, она летала с родителями на Медю. Там были настоящие темные ночи, а днем светили всего лишь два небольших солнца. Одно желтое, другое, поменьше, оранжевое. Такой тоски Шура не испытывала никогда в жизни. Воспоминания о неуютных сумерках и пугающих ночах еще долго преследовали ее в кошмарных снах, а потому за все время своего первого опыта самостоятельной трудовой деятельности она ни разу не заходила в темную пугающую пещеру. Да ей было и неинтересно, что за опыты ставят там мужчины. Слишком уж все это сложно.

Они прошли всего десяток шагов, когда Стас вдруг остановился и резко присел, рассматривая что-то на земле. Шура даже вздрогнула от неожиданности. Когда же техник вдруг вынул из чехла на поясе трубку спутникового передатчика и набрал аварийный код, девушка не на шутку испугалась.

– Что там, Стас? – громко прошептала она.

– Иди в лагерь, – приказал техник. – Немедленно! Барт, уведи Шуру!

Пес недоверчиво взглянул на Стаса, но приказ выполнил. Он ухватил замешкавшуюся девушку за штанину и потянул к выходу.

– Стас... зачем? – попыталась слабо сопротивляться Шура.

– Уходи! – Парень даже не обернулся. – Если я не вернусь через полчаса, отправляйся вниз по реке, в лагерь Краузе. Это километрах в десяти от нас. Скажешь Альфреду, чтобы вызывал главную базу по коду три ноля. Поняла?

– Да... но...

– Иди!

Стас выпрямился и расстегнул еще один поясной чехол. В нем лежал массивный складной нож. От этих приготовлений Шуре стало и вовсе не по себе. Она поехала и, уступая настойчивости треплющего штанину Барта, попятилась...

...Стас не вернулся ни через полчаса, ни через час. Но Шура из лагеря не ушла. Она заперлась в пластиковой коробочке своего домика, села на низкую койку и, обняв за шею Барта, залилась горячими слезами... Сквозь молочно-белые пластмассовые стены она не могла видеть, как на площадку перед пещерой садятся армейские магнитопланы, как удивленно жестикулирует, стоя у гладкой отвесной скалы, руководитель соседней экспедиции Альфред Краузе и как недоверчиво ощупывает сплошную породу в том месте, где час назад была пещера, какой-то крепкий рыжеволосый офицер в униформе великокняжеской гвардии. Лишь когда мокрый от ее слез Барт наконец-то вырвался и с громким лаем выбежал из домика, Шура очнулась.

Поведение пса вселило в ее душу проблеск надежды. Она быстро вытерла слезы, мельком взглянула в зеркало и тоже выбежала на свежий воздух.

– Ты голову помыл, что ли? – обращаясь к настороженному Барту, спросил подошедший к домику офицер. – Хоть с шампунем? А чего не вытер?

– Ой, – Шура, на миг ослепнув от яркого солнца, едва не врезалась в его широкую грудь. – Извините...

– Шура! – Следом за военным к домикам спустился Краузе. – Что здесь произошло? Что за мистика?! Как Пауль умудрился зацементировать пещеру? И где он сам?

– Я не знаю, Альфред Максович, – Шура снова скуксилась и всхлипнула. – Там было так страшно...

– Где? В пещере?

– Да, мы со Стасом вошли, но он отправил меня обратно, а сам пошел дальше... Он ножик зачем-то достал!

Шура снова расплакалась.

– Угрожал вам ножом? – заинтересовался офицер.

– Нет... – девушка помотала головой. – Он дальше с ножиком пошел... А я... я... испугалась.

Она прикрыла лицо руками.

– Ну ничего, ничего, – военный обнял ее за плечи и осторожно прижал к себе. – Все нормально... Значит, это вы пса обрыдали?

– Об... чего? – Шура подняла на офицера удивленный взгляд.

– Ну слезами залили, – военный улыбнулся.

Шура тоже не удержалась и прыснула.

– Так-то лучше, – офицер покосился на Краузе. – Точно была пещера?

– На голову не жалуемся, – Альфред Максович ответил укоризненным взглядом. – Пауль... э-э... Павел Германович здесь третий месяц исследования проводит. Проводил, то есть...

– И что исследовал?

– Примерно те же явления.

– Выходит, это пятый случай? – Офицер усадил Шуру на ступеньки ее домика и вручил сухой платок. – Елецкая мануфактура. Лучшая на Земле и в окрестностях. Впитывает исключительно. Можно моря осушать.

– Спасибо, – Шура промокнула слезы и шмыгнула покрасневшим носиком. – Вы с Земли?

– Заметно? – Офицер снова улыбнулся. – Вообще-то, с Каллисто, но по долгу службы пришлось переехать на Землю.

– Службы? – Шура что-то сообразила и поинтересовалась: – А звание у вас какое?

– лейтенант, – офицер чуть наклонился, демонстрируя погон. – Маловато?

– Нет, – Шура улыбнулась. – лейтенант кремлевской гвардии, это в самый раз.

– Ого, – военный рассмеялся. – Разбираетесь?

– Мой отец тоже служит, только на Эйзене. Начальником охраны Седьмого Литейного. Правда, я не знаю... что там... после Катастрофы...

– Заводы «РУСТА»? – офицер кивнул. – Там все в порядке, не волнуйтесь. Ни Вспышка, ни Метаморфоза до Плутона-Харона не добрались. Эйзен живет и работает в обычном режиме.

– Слава богу, – вырвалось у Краузе. – Я ведь тоже оттуда. С Эйзена, после мятежа девяносто первого года, многие на Грацию переехали...

– Однако вернемся к нашим феноменам, – предложил офицер. – Резюме, профессор.

– Пять случаев произвольных изменений структуры абсолютно нормального вещества. Без внешних воздействий или иных причин. Сначала было превращение целого высокогорного озера в непонятный гель. Исследования доктора Рачковского показали, что по составу он напоминает силикон. Двести квадратных километров силиконовой глади... да-а... Затем

абсолютно бесшумно и как-то незаметно исчез отрог Бергман. Теперь на его месте раскинулась поросшая свежей травой равнина. Площадь... э-э... воздействия... свыше трехсот тысяч квадратных километров. Мы просмотрели записи системы спутникового мониторинга, но ничего так и не поняли. Первоначально на том месте возвышались горные вершины, а затем в один миг появилась равнина. Теперь это, пожалуй, единственное ровное место на планете. Не считая моря, конечно. Можно даже назвать точное время, когда это произошло, но причина...

– Ясно, – перебил его офицер. – Дальше.

– Дальше – внезапно прекратилось извержение вулкана Эгла. Когда ученые спустились в кратер, обнаружилось множество свидетельств тому, что этот крупнейший на Грации вулкан потух не менее полутора тысяч лет назад!

– Может, так оно и было?

– Исключено! Мы располагаем морем доказательств его активности! Да что там?! У подножия Эглы расположился целый научный городок. Это просто Мекка для наших вулканологов. Еще месяц назад гора была готова взорваться, а сегодня это так же невозможно, как наступление ледникового периода!

– Не зарекайтесь, – лейтенант усмехнулся. – Четвертый случай – ваш. Так?

– Совершенно верно, – Краузе кивнул. – В одной из пещер мы обнаружили колодец немыслимой глубины. Тщательные исследования показали, что глубина этого загадочного провала превышает сорок три тысячи километров.

– Глубоко, – офицер усмехнулся.

– Глубоко?! – возмутился Альфред Максович. – Mein Gott! Да это в семь раз больше расстояния до центра планеты! Такой колодец должен был продырявить Грацию насквозь и... в три раза дальше!

– Куда дальше-то? – удивился лейтенант.

– Вот и я не понимаю, куда? – согласился Краузе. – И никто не понимает. У Павла была какая-то теория, но он не успел поделиться. Слишком был занят своей пещерой. Он обнаружил в ней какое-то свечение неизвестной природы, или излучение... я так и не разобрался...

– Свечение? – насторожился офицер. – Какого рода?

Ученый молча развел руками. Лейтенант с надеждой взглянул на Шуру. Девушка сначала пожалала плечиками, но вдруг вспомнила.

– Юра Смирнов говорил, что там, наверное, золота много. Я даже обрадовалась сначала... Но ребята его обсмеяли.

– Золота? То есть свечение золотистое?

– Не знаю.

– Ла-адно, – задумчиво протянул офицер. – Значит, светилось-светилось, а потом вдруг р-раз и исчезло! Так? И вход сам по себе замуровался. Очень мило... Ну что ж, ситуация ясна. То есть ничего не ясно, кроме одного – что-то тут у вас нечисто. Может, кто-то запрещенные эксперименты ставит, а может, саму по себе Грацию лихорадит, но, если ориентироваться на известные нам законы природы, происходить такое не должно. Верно?

– Да, – согласился Краузе. – Проблема требует тщательного изучения. Наш научный потенциал... не всеобъемлющ, так сказать, и мы надеемся на помощь Академии Наук Земли или Марсианских университетов...

– Рассмотрим, – пообещал гвардеец. – Здесь у нас все? Тогда, летим на базу.

– А как же... ребята? – дрогнувшим голосом спросила Шура.

– Здесь останутся ученые и спасатели, – пообещал офицер. – Хотите остаться с ними?

– Нет... я, если можно, с вами...

– Можно, – разрешил лейтенант. – Пять минут на сборы вам хватит?

– Да! Спасибо, господин лейтенант... Я Шура, Ермакова.

Она протянула гвардейцу руку.

– Горохов. Тоже Александр, – ответно представился тот. – Адьютант его светлости Великого Князя Преображенского.

– Адьютант... самого... Преображенского? – Глаза у Шуры невольно округлились, а лицо порозовело.

– Так точно, – Горохов расплылся от уха до уха. – Прошу любить и, как говорится, жаловать.

Он мог бы и не просить. Даже думая, что Горохов простой лейтенант из Кремля, Шура была готова сделать для него все, что угодно, а уж теперь-то...

* * *

Старший техник Миллор стоял перед обзорным экраном на мостике флагмана испытательной эскадры и внимательно следил за подготовкой нового корабля к первому старту. Совместными усилиями двух военно-технических ведомств союзникам удалось, наконец, состыковать достижения инженерных школ технократов, землян и Тирании. Машина, которую испытывали неподалеку от планеты Натали – далекой, но верной спутницы сиятельного Арктура, – являлась почти точной копией великокняжеского крейсера «Каллисто», еще во время Кризиса собранного на секретных верфях ОВК специально для Преображенского. Конечно, на серийные машины не устанавливали некоторые особые приборы, да и комфортабельность обеспечили строго уставную, без роскоши, но главный принцип был соблюден. Ходовая часть, системы жизнеобеспечения и ракетно-лучевое вооружение остались земными. Сверхпрочные внешние корпуса делались из чинидской керамоброни, а вот программное обеспечение для «гибридных» компьютеров, совместивших все лучшее, что могли дать разные научные течения, поставляли технократы. В этом деле им не найти равных по обе стороны Рубежа. Так что гордиться новыми крейсерами могли в полной мере и земляне, и технократы, и подданные Тирана. Пока, правда, оставался без ответа вопрос – как будут распределяться новые машины между государствами? Ведь строили вместе, теперь вот вместе испытывали, продавать вроде бы нелогично; кто и кому их будет продавать? Оценить вклад и в соответствии с ним распределить квоты? Тоже скользкий вариант. С землянами договориться можно, а вот чиниды наверняка начнут искать подвох и маневрировать.

Миллор вздохнул. Как ни странно, приходилось признать печальный, но упрямый факт: люди из-за Рубежа понимают технократов лучше, чем соседи по пространству. Возможно, все дело в особой ментальности. Земляне называют ее «западной», в соответствии с исторически сложившимися реалиями на родной планете. Там у них тоже существовали две принципиально различные шкалы ценностей, два разных образа жизни. Так вот, «восточный» был похож на чинидский. Соответственно, людям «Запада» ближе модель технократического общества. Правда, на вопрос, какую же из систем предпочитает Великий Князь, Преображенский лишь рассмеялся и ответил: «русскую». Как понял Миллор, эта модель представляет собой нечто промежуточное, компромиссное. Старший техник не жаловал компромиссы, считая их признаком неверного решения, но у людей за Рубежом своя жизнь и свои алгоритмы процветания. Возможно, они правы. На своей территории, конечно. Ведь несправедные ядерные войны они вели исключительно за пределами Земли и чаще даже за пределами своего исконного пространства – за Рубежом...

Воспоминания оказались крайне неприятными и не к месту – ведь что было, прошло, следует жить настоящим и думать о будущем. А в настоящем все сомнения на тему, верна ли модель жизни землян, перечеркивал один-единственный, но неоспоримый факт: Тот, кто выжил, вручил перстень Сунджи не Главному инженеру Кноппусу и не Тирану Ергелану, а Преображенскому. Значит, земляне на верном пути. Они делают массу ошибок, несут огром-

ные потери, но идут к Истине. А иначе быть не может. Тот, кто выжил, не мог ошибиться в выборе Того, кто идет. Это математически доказано и перепроверено в тысячах расчетов.

Специальная секретная комиссия при Верховном бюро Главного инженера Технократии сделала уже четыре больших доклада с учетом новых, появившихся в результате Катастрофы фактов, и выводы не оставляли сомнений: перстень Сунджи имеет прямое отношение к «Проекту ноль» и скорее всего является его наследием, сохраненным фигурантами «Проекта один» – так именовались эти секретнейшие гипотезы в сводках и расчетах. А раз так... дипломатам, военным и ученым предстоят напряженные дни. С окончанием вооруженного противостояния сопредельных государств и с отражением внешней агрессии ничего не кончилось. Главные события еще впереди...

Первый серийный крейсер класса «Великий Князь Гордеев», или, как его обозначали в своих документах технократы, «модель 635-11», развернулся в сторону ближайшего портала и включил маневровые двигатели. На мостик флагмана-наблюдателя тут же пошла телеметрия.

– Не предвижу проблем, – наконец нарушил молчание помощник Миллора инженер Гориннус.

– Почему вы это сказали? – Миллор удивленно взглянул на инженера.

– Вы напряжены, словно ждете, что корабль выкинет какой-нибудь фокус. Князь Сергей налетал на прототипе немало часов и прыгал в такие места...

– То был прототип, штучная работа, многократно проверенная наладка, – Миллор вернулся к экрану.

– Этот корабль не хуже, – убежденно возразил Гориннус.

– Почему же он... – Миллор подался вперед. – Вы видите?! Он отклоняется от курса!

– Навигатор утверждает, что все в порядке, – инженер мельком взглянул на данные телеметрии.

– Это видно невооруженным глазом!

– Я бы не стал так доверять органам чувств, Старший техник, – Гориннус взглянул в экран и чуть наклонил голову. – Я думаю, это сферическое искажение, вызванное конструкцией объектива. На этом флагмане еще масса недоработок. Земляне, что вы хотите... Я склонен опираться на данные нашего компьютера. Он делает поправки на искажения в земной оптике и...

– Очнитесь, Гориннус! Я тоже верю в надежность приборов Технократии, но ошибки нет. «Модель 635-11» уходит с курса. Срочно свяжитесь с капитаном-испытателем!

– Флагман-наблюдатель испытательной эскадры вызывает крейсер «ВКГ-01»! Говорит инженер Гориннус. Крейсер, ответьте!

– Слышу вас, – бодрым голосом ответил капитан. – Командор Трентон на связи. Что случилось?

На мониторе появилось изображение. Пожилой космический волк. Определенно, он свое давно отлетал и до сих пор болтался в космосе лишь по причине жесткого дефицита кадров на флоте. Однако Трентон не производил впечатления впавшего в маразм старца.

– Вы отклоняетесь от заданного курса, командор.

– Это невозможно, мой навигатор исправен и указывает точно на портал.

– Но вы идете мимо портала!

– Вы уверены?

– Абсолютно! Взгляните на телеметрию, я перевел ее на ваш компьютер.

– Странно, – Трентон поколдовал над компьютером. – Похоже, меня притягивает какая-то масса, инженер. Взгляните сами.

– Откуда здесь... э-э... действительно... – Гориннус растерянно взглянул на Миллора. – Я не знаю, что это, но похоже на гравитационный прокол... из тех, что идут через гипер и неизвестно где заканчиваются.

– Теория Дотта, – Старший техник кивнул. – Я слышал о ней, но никогда не встречался с проколами в космосе.

– Насколько мне известно, кроме самого Дотта, с ними никто не встречался. И учтите еще – здесь не наше пространство. Земляне о таких фокусах вообще не подозревают...

– Господа технократы, вы не могли бы пояснить, о чем речь, – забеспокоился Трентон. – Что за проколы? Черные дыры?

– Нет, – Гориннус смущенно взглянул на командора. Он никак не мог привыкнуть к тому, что в общении с землянами не существует языкового барьера и, казалось бы, приватная беседа технократов на родном языке доступна пониманию любого землянина. – Проколы – это... на самом деле мы не знаем, что это такое, но Дотт обнаружил их примерно по тем же признакам, что и вы, – гравитационное взаимодействие на крошечном по космическим меркам участке. Если вы добавите тяги, прокол наверняка перестанет на вас действовать, а если вернетесь в ту же точку, подействует снова. Хотя гарантии нет. Сколько они существуют по времени – неизвестно.

– Забавное явление, – хмыкнул Трентон, – не встречал.

– У нас тоже, кроме Дотта, его никто не наблюдал.

– Я слышал, – буркнул Трентон. – Тяга десять процентов!

Это была уже не реплика в эфир, а команда второму пилоту.

«Модель 635-11» легко вернулась на прежний курс и устремилась к порталу. На мостике флагмана-наблюдателя раздался вздох облегчения.

– Однако надо исследовать этот прокол, – оживился Гориннус. – Разрешите провести дистанционные исследования?

– Разрешаю, но не думаю, что это даст результаты. Слишком мал объект.

– Явление, – осторожно поправил инженер.

– Взгляните на экран. Навигатор, максимальное увеличение.

Старший техник действительно увидел больше, чем Гориннус, хотя не совсем понятно, как это ему удалось. Там, где минуту назад находился крейсер Трентона, теперь наблюдалось нечто, напоминающее материальный объект. Его тень на мгновение заслонила звезду ближайшего скопления и исчезла. Компьютер флагмана скрупулезно восстановил картину происшествия, и над мостиком повисла компактная голографическая реконструкция – размытое очертание вытянутого объекта, скорее всего – небольшого корабля землян.

– Не понимаю, – признался инженер. – Если прокол – это след выхода из гиперпространства, почему такими явлениями не сопровождаются все прыжки? И что важнее – почему корабли не столкнулись?

– Быть может, это не простой корабль? – Миллор задумчиво покачал головой. – Судя по звездной карте, он направился в сторону метрополии землян. Надо сообщить в штаб патрульной армии.

– Но мы не знаем, что это было. Да и вектор движения еще ни о чем не говорит. Возможно, этот объект никогда не появится в Солнечной.

– А если появится? Как те капсулы со спорами метаморфов, что взорвали светила в большинстве обитаемых систем. Если бы это по-прежнему оставалось внутренней проблемой землян, я бы не беспокоился, но теперь люди в Солнечной системе наши союзники. Мы обязаны предупредить князя Сергея.

– Как знаете, – Гориннус развел руками. – Я бы подождал. Чтобы не выглядеть глупо. Если это действительно нечто опасное, такое, как «черная звезда», землянам не поможет сам Великий Технолог, а если это корабль, пусть даже использующий новейшую маскировку, он не причинит серьезного вреда. Его перехватят сразу по выходе из прыжка. Патрульная армия «Беркут» укомплектована хорошими системами обнаружения. В том числе и нашего производства.

– Даже самая совершенная система может считаться надежной лишь, когда она дублируется, пусть и всего лишь человеком, – Миллор обернулся к вахтенному офицеру-землянину. – Свяжитесь со штабом «Беркута», капитан. Передайте им расчет движения этого... объекта. Я думаю, он выйдет где-то... на орбите Плутона.

– В уме подсчитали? – невольно нарушая субординацию, искренне удивился офицер.

– Да, – Миллор не стал заострять внимание на его оплошности. Формально Старший техник числился руководителем испытаний, но на земном крейсере он и Гориннус все-таки гости. Офицеры флота ОВК воспринимали их скорее как ученых, нежели как представителей армии союзников, а уж тем более – начальство.

– Есть! – капитан кивнул. – А что указать в графе «предварительная идентификация»?

Старший техник приблизился к голограмме, немного подумал и произвел несколько замысловатых пассов. Модель объекта приобрела почти понятные очертания. К начальнику присоединился Гориннус и тоже пару раз взмахнул рукой, будто отсекая еще кое-какие ненужные детали. Увидев, что у них вышло, офицер восхищенно выдохнул:

– Сильны...

– Введите изображение этой модели в программу поиска по каталогу «Все корабли», – посоветовал Миллор. – Разделы «Технократия» и «Тирания» можете в поиск не включать. Это ваш космолет.

– Я и без каталога вижу, что это за посудина, – офицер приосанился: «мы тоже не лыком шить». – Корабль дальней разведки класса «Агат». Вот только... их не выпускают уже лет тридцать и запчастей к нему не найти. Кто и как умудряется до сих пор на нем летать?

– Это вы у его экипажа спросите, – вдруг снова включился канал связи с «Моделью 635-11». – Я тоже заснял это чудо техники и обработал изображение. С моего ракурса был виден бортовой номер...

Трентон взял паузу и многозначительно уставился выцветшими глазами на технократов и вахтенного офицера.

– Не томи, командор! – сдался земной капитан. – Какой номер?

– «Кей Экс сто тринадцать», – торжественно выдал Трентон. – Ну как, Дроздов, говорит тебе это о чем-нибудь?

– Летучий голландец? – Капитан Дроздов округлил глаза.

– Из земной провинции Нидерланды? – озадачился любознательный Гориннус. – Разве там строят космические корабли?

– Нет, это название из другого раздела: «Морские предания и мифы», – снисходительно пояснил командор. – Этот «Агат» ушел в разведрейд и сгинул в Поясе Освоения около тридцати пяти лет назад. Я тогда еще салагой на крейсере «Линкольн» ходил... Но примечательно не это. Мало ли кораблей пропадает в дальнем космосе? Странно, что его не видели с тех пор и ни в один порт он не заходил. Тридцать пять лет прыгал где-то по окраинам и никуда не садился. И вдруг вот он, как живой...

– И точечного гравитационного искажения никто не замечал? – поинтересовался Гориннус.

– Мы первые, – убежденно ответил Трентон. – Из всего этого следует, что до нас увидеть «Агат-113» никому не удавалось. Призрак, одним словом.

– Призрак? Душа мертвого голландца? – попытался с наскока вникнуть в скрытый смысл земных мифов Гориннус.

– Оживший голландец, – уточнил Трентон. – Думаешь, я просто так про экипаж ляпнул? Мой биоскан клянется, что на борту есть, по крайней мере, один живой человек!

– Кто-то живет на корабле уже тридцать с лишним лет? Разве ваши космолеты способны так долго обеспечивать жизнедеятельность?

– Нет, конечно. У него ядерное топливо на втором году полета должно было закончиться, а без работающих конвертеров электричество для бортовых систем не генерировать и трития для движков не наковать. Этот «Агат» не только жизнедеятельность экипажа не способен поддерживать столько лет, он вообще шевелиться не должен. Однако все претензии к вашим же биосканам. Кто им программы составлял, я, что ли? На борту кто-то есть. А кто и как туда попал – думайте сами.

– Очень странная история.

Технократы переглянулись.

– Вот уже и мертвецы оживать начали, – недовольно пробурчал капитан Дроздов. – Мало нам Катастрофы с Метаморфозой...

– Пока не факт, – Трентон бросил взгляд на свой экран. – Ну все, господа наблюдатели, мне пора начинать вторую фазу испытаний. Придется вам разбираться со «сто тринадцатым» самостоятельно. Удачи!

– Вам того же, сэр, – Дроздов козырнул и обернулся к технократам. – А у вас во флоте разве нет легенд о кораблях-призраках?

– У нас вообще нет легенд, – твердо ответил Миллор. – Только два культовых сказания о Великом Технологe и Генетическом Банке Предков.

– Создатель и Ноев ковчег? – перевел для себя капитан. – Да, это не морская тематика. Хотя ковчег тоже судно...

...Штаб космопатруля полицейской армии «Беркут» получил сообщение по гиперсвязи спустя несколько минут после происшествия и сразу же начал прочесывать пространство в расчетном секторе. Благо что подсказка технократов позволила сузить зону поисков до тысячи кубических мегаметров; по космическим меркам – абсолютный минимум. Примерно через час сканеры крейсера «Контр-адмирал Попов» обнаружили гравитационный прокол, но корабля-невидимки поблизости уже не оказалось. Как ни напрягались бортовые компы и детекторы масс, результат поиска оставался нулевым. На всех стратегических объектах Солнечной была объявлена тревога по «Оранжевому» коду, а к активным поискам «Агата-113» привлечены корабли охранной армии «Кречет», но и эти меры оказались неэффективными. Корабль-призрак вновь бесследно исчез...

С той лишь разницей, что теперь это случилось не в Поясе Освоения, в нескольких тысячах световых лет от Солнечной системы, а на траверзе Плутона. Что за этим последует – оставалось только гадать. Впрочем, ничего хорошего от странного происшествия ожидать не приходилось. Странности не бывают предвестниками добрых событий...

Глава 2

Ноябрь 2324 г., ОВК – Тирания – Технократия

Ван Ли появился, как всегда, без предупреждения. Не обратив внимания на охрану (равно как и она на него), он прошел и сел в кресло. На круглом лице Выжившего играла грустная улыбка.

– Располагайся, – запоздало предложил князь. – Рад тебя видеть. С чем пожаловал?

– Тем, кого рады видеть, не задают подобных вопросов, – Ван Ли покачал головой. – Впрочем, моя вина. Я сам приучил тебя к тому, что не появляюсь без повода.

– И чаще всего этот повод только кажется пустячным, – Преображенский тоже невесело усмехнулся. – А на самом деле предвещает невообразимые и тяжелые перемены. Которые не пережить, не имея в кармане твоих особых подарков.

Князь поправил перстень Сунджи на безымянном пальце.

– Такие времена, – Ван Ли развел руками. – Но в этот раз я пришел без подарка. Просто предупредить тебя, что надвигается новая опасность. Я не знаю, какой облик она примет теперь. Этого пока не знает даже наш Изначальный хранитель, но мы оба чувствуем ее приближение.

– Обычное дело, – князь вздохнул. – Я привык жить у подножия действующего вулкана. Одним извержением больше, одним меньше... Справимся.

– Возможно.

Сергей Павлович удивленно взглянул на гостя. Впервые в голосе Ван Ли не слышалось уверенности. Он словно бы никак не мог решиться на что-то. Будто не находил в себе сил сказать главное.

– Ты что-то скрываешь?

– Я предчувствую изменение баланса сил. Возможно, ты останешься один на один с новой бедой.

– Ты решил уйти? – насторожился Преображенский.

– Я предчувствую такую возможность...

– Так сделай что-нибудь, чтобы избежать этого!

– Это от меня не зависит. Наши Судьбы предопределены и не могут измениться.

– Предопределены? Кем? Первоподем? Но ведь мы с тобой ему неподвластны!

– Нет. Первополе такая же игрушка в руках Вселенной, как и любой другой ее элемент. Как ты и я. Как все хранители или слуги... Программы Судеб рождаются на более глубоком уровне. Там, где не может править никто. Не хочу загружать тебя лишними загадками, до конца понять структуру глубинных измерений не способен даже хранитель, просто поверь – мои предчувствия истинны. Очень скоро я буду вынужден продолжить свой путь, и он больше не пересечется с твоим. Даже когда мы оба перейдем на новый, более тонкий уровень существования.

– Мне не нравится твое настроение, – огорченно произнес князь. – Ты будто отпеваешь себя.

– О нет, – Ван Ли рассмеялся. – Христианские обряды мне не подходят. Я же китаец, не забывай.

– Ты не китаец, мы оба знаем, кто ты.

– У единоверцев Сунджи тоже не принято отпевать ушедших. Тем более заживо. Нет, Великий Князь, я не оплакиваю себя. Я просто хочу подготовиться к переходу на следующую ступень существования. И хочу, чтобы к этому приготовился ты. Новая опасность потребует мобилизовать все силы. Стань мой уход для тебя неожиданностью, это могло бы тебя деморализовать, и новый бой был бы проигран до его начала. А теперь ты будешь готов.

– Но если моя Судьба уже написана, я либо выиграю, либо проиграю, независимо от обстоятельств. Разве не так?

– Так. Однако при этом имеет значение цена победы или поражения. Ты только начал приходить в себя после потерь, твое государство едва встало на путь восстановления. Если новая беда застигнет тебя врасплох, окажется, что все это напрасно. Тебя ждут новые потери.

– Разве Судьба тех, кого я потеряю, не предопределена, так же как моя?

– Только если не будет нарушена главная последовательность событий. Предопределенность Судеб вторична. На первом месте стоят как раз Обстоятельства. Ты находишься в редчайшем положении, тебе дано ими управлять и давать Судьбам шанс реализоваться.

– А ты?

– А я выполнил свое предназначение. Я управлял Обстоятельствами до тебя, но мой срок вышел. Теперь все в твоих руках. Поэтому я и прошу тебя – будь готов к переменам и не трать драгоценное время на огорчения. Они не стоят ни времени, ни потраченных нервов... Ну все, моя пошел.

Он встал и снова превратился в маленького улыбчивого китайца.

– Уже? Я хотел предложить тебе чаю.

– Не беспокойся, князь, – Ван Ли хитро взглянул на Сергея. – Нехорошо заставлять княжну ждать.

Преображенский немного смутился.

– Ты меня осуждаешь?

– Что ты, князь! Я рад за вас обоих. У людей так мало непревзойденных и недоступных другим существам качеств. Способность любить – главное. И, скажу тебе по секрету, именно любовь сделала человека тем, кто он есть. Она же его спасет.

– У нас принято говорить – мир спасет красота.

– Мир, – Ван Ли кивнул. – А человека – любовь. Прощай, Великий Князь. Да пребудет с тобой добрейший Сунджа.

– В данный момент он от меня уходит, – Преображенский отвел взгляд.

– Нет, – Ван Ли усмехнулся. – Он пока с тобой. Некоторое время и я побуду неподалеку. Но на всякий случай не на Земле. Если мне суждено принять на себя первый удар нового врага, лучше сделать это на нейтральной территории...

...Когда за Ван Ли закрылась дверь, из спальни вышла княжна Оксана. Она удивленно взглянула на Преображенского и чуть прищурилась.

– Кто этот человек? Откуда он знает о нас?

– Он знает все, – Сергей Павлович тяжело вздохнул. – Это мой ангел-хранитель или... змей-искуситель. Называй как хочешь.

– Это, по-твоему, одно и то же? – Оксана неодобрительно покачала головой. – Вам, Великий Князь, недостает веры, оттого и тяжело на душе.

– Нет, моя княжна, мне тяжело оттого, что я, скорее всего, больше никогда не увижу Ван Ли, – Преображенский обнял Оксану. – А недостает мне только любви. Твоей любви.

Ее длинные ресницы дрогнули, и она отвела взгляд.

– Мне... пока еще очень трудно...

– Я знаю. Но мы справимся... Вместе. Да?

– Да, – шепнула Оксана, прижимаясь к нему. – Не оставляй меня надолго одну.

– Не буду.

– Нет, ты не понял. Я хочу быть рядом с тобой всегда. Не только по ночам, пробравшись украдкой в твои покои, но и днем. Я хочу жить твоими заботами, общаться с твоими друзьями, делить с тобой радости и печали. А иначе я так и останусь... мрачной и нелюдистой. Я не хочу быть одинокой и вечно печальной вдовой.

– Обещаю, – Преображенский нежно погладил ее по щеке. – Мы будем вместе. В День Объединения я представлю тебя в новом качестве...

– В каком? – Оксана испуганно отпрянула. – Нет! Ты не так меня понял! Я не хочу становиться новой Великой Княгиней! Я не хочу, чтобы люди сравнивали меня с сестрой. Ведь я...

Ее голос задрожал, а на глаза навернулись слезы.

– При чем тут твоя сестра? Вы же совсем разные. Княжна Татьяна сделала свой глупейший и скоропалительный выбор из корыстных побуждений, это верно, но никому и в голову не придет, что ты преследуешь те же цели. Опомнись!

– Люди такие... завистливые...

– Ох, Оксаночка, – Сергей Павлович обнял ее еще крепче и чуть покачал в объятиях, – знала бы ты, какими ангелами выглядят люди в сравнении с другими разумными существами.

– А это правда? – Голос княжны перестал дрожать, но оставался по-прежнему печальным. – Я слышала, что Катастрофу и Метаморфозу устроили какие-то потусторонние враги, но думала, что это просто страшные истории.

– Ты же видела метаморфов.

– Да, но они были похожи на диких животных. Все их действия выглядели скорее инстинктивными, чем разумными. Ими кто-то управляет?

– Да, так и было. И, похоже, этот «управляющий» не успокоился.

– Тебе это сказал тот китаец?

– Он и сам пока не уверен, но обычно его предчувствия сбываются.

– Будет новая война? – испугалась княжна.

– Пока не знаю, что это будет, а потому не хочу об этом говорить, – Преображенский легко подхватил Оксану на руки. – Надеюсь, это случится не сегодня ночью. Я чертовски хочу наконец-то выспаться. Как думаешь, получится?

Он подмигнул и улыбнулся.

– Вряд ли...

* * *

Вначале была только небольшая космическая станция, на которой несли неустанную вахту два десятка ученых. Когда эра освоения Солнечной плавно перетекла в эру покорения Галактики, станцию «Плутон-1» расширили, и к гиперрадарной установке добавился комплекс оборудования стационарного портала. Считалось, что стартовать с окраины системы гораздо безопаснее, чем из пояса внутренних планет. Впоследствии выяснилось, что точка старта может располагаться где угодно, хоть на орбите Земли, но демонтаж уже сформировавшейся космической базы был экономически невыгоден, и ее просто забросили. Не совсем, конечно. Гиперрадары по-прежнему работали и собирали ценнейшую астрофизическую информацию, но из станции не получилось перекрестка торговых путей, как, например, из «Ганимеда-4».

Так продолжалось довольно долго. Станция давно уже выработала ресурс, вахту с нее сняли, но энтузиасты нашли спонсоров и переоборудовали отслужившую свой срок научную базу в небольшое поселение. Всего в сотню «квартир». Зачем кому-то потребовалось селиться в пяти световых часах от Солнца, граждане существовавшей тогда Земной Федерации не понимали. Не обращали особого внимания на далекий космический поселок и чиновники. Они с легкостью выдавали разрешения на освоение участков поверхности Плутона и Харона, а также «близлежащего космического пространства». Участки на ледяных равнинах двойной планеты были, конечно, всего лишь формальным прикрытием. Переселенцев интересовало именно «близлежащее пространство», а точнее – висящий на траверзе Харона городок.

Он постепенно рос, присоединяя к ветхой центральной станции все новые жилые и технические модули, обзаводился инфраструктурой и в результате приобрел четко определен-

ный и весьма серьезный статус. Когда общее собрание обитателей «Плутона-1» представило в Комитет по Освоению документы, федеральные чиновники были немало удивлены. Выяснилось, что в ледяном поясе существует и динамично развивается крупная космическая станция, почти город, с населением в двенадцать тысяч человек. И город этот имеет свои органы самоуправления, службу безопасности и... название. В постановлении городского собрания черным по белому было написано: космический город Эйзен, бывшая КС «Плутон-1». Последовавшая проверка все подтвердила. Город существовал, развивался и даже имел перспективы. Как раз за несколько дней до прибытия высокой комиссии на выносных промышленных причалах Эйзена Галактической Корпорацией «РУСТ» был начат монтаж Первого Литейного цеха. Столь серьезное капиталовложение солидной компании окончательно убедило чиновников в обоснованности притязаний горожан, и на карте Солнечной появился новый самостоятельный субъект. Город Эйзен при Плутоне-Хароне.

И никто из придавленных авторитетом «РУСТа» чиновников не задал себе двух простых вопросов. Во-первых, почему литейные цеха строятся именно здесь, в ледяном поясе, где для этого нет никаких предпосылок? Все богатые рудой астероиды находились внутри системы, а разработки на поверхности Плутона или Харона были бесперспективны: георазведка давным-давно поставила на этих ледяных глыбах жирный крест; промышленных количеств полезных ископаемых в них не обнаружилось. Второй вопрос был некорректным, но задать следовало бы и его. Почему практически все население города составляли молодые немцы довольно радикальных политических взглядов?

Когда ответы нашлись, было уже поздно. После постройки первого цеха город начал расти как на дрожжах. А когда был запущен в эксплуатацию Седьмой Литейный, федералам стало ясно, что огромный космический город со стотысячным населением превращается в мину с часовым механизмом. Дело было в том, что никто, кроме дирекции «РУСТа», не знал, что же на самом деле производится в Литейных цехах. Все инспекции подкупались менеджерами компании еще до вылета с Земли, а разведчиков Федеральной Безопасности эйзенская тайная полиция безошибочно вычисляла и перехватывала прямо на таможенном посту. Вечно так продолжаться не могло, и ситуация рано или поздно была обязана разрешиться. Либо с громким скандалом, либо с настоящим политическим взрывом. Так и случилось, причем в самый неблагоприятный момент. Когда по Галактике прокатился пожар Пятой войны и от Федерации остались одни неприятные воспоминания, Эйзен вдруг проявил политическую волю и провозгласил себя независимым государством, верным принципам федеральной конституции.

Победившей в войне коалиции под руководством Великого Князя Гордеева было не до мелочей, вроде молодого и нахального городка на окраине Солнечной, а потому для Эйзена было сделано временное исключение. Ему разрешили жить по своим законам. И он жил по ним почти тридцать лет. Объединение Вольных Княжеств крепло, планеты и спутники Солнечной постепенно собирались вокруг сильного центра – Великого Княжества Земли, далекие галактические Колонии налаживали утраченные связи, и только один гордый Эйзен продолжал вариться в котле своих неведомых дел, активно торгуя со всеми желающими, но не пуская на свою территорию никого из особо любознательных подданных Гордеева и не проявляя никакого интереса к идее вступления в состав ОВК.

В общем-то, такое положение дел всех устраивало. Гордеева, как и его федеральных предшественников, конечно, беспокоила окружающая Эйзен завеса тайны, но, пока шло трудное «собрание земель», ему было не до искусственного спутника Плутона.

И так продолжалось, пока сам Эйзен не решил, что ему есть дело до ОВК.

Как только это произошло, приоткрылась завеса тайны, и появились ответы на неудобные вопросы. «Литейные» цеха все время своего существования производили оружие и боевую технику. Причем отнюдь не для армии Федерации или Объединения. Нет. Исключительно

для армии Эйзена. Сильной, хорошо обученной, имеющей мощную разведывательно-диверсионную сеть во всех мирах и подготовленной к ведению боевых действий в любых условиях.

И, что немаловажно, в армии, как и в самом Эйзене, царила твердая убежденность в избранности «чистой нации». Той самой, которую представляли коренные жители космического города.

Идеологически подкованные солдаты в любые времена были особенно опасны, и теперь в этом предстояло убедиться всей Галактике. На меньшее новые фюреры с Эйзена были не согласны. Но начать следовало с Солнечной, а потому первые мобильные и хорошо вооруженные отряды диверсантов потянулись из ледяного пояса внутрь системы.

Начавшийся в пока еще слабом Объединении хаос трудно описать. За какой-то месяц все княжества вновь погрузились в пучину только-только забытого ужаса межпланетной войны. Террористы поставили ОВК на грань развала.

Великому Князю следовало принять самые решительные меры, и он не стал колебаться. Ценой невероятных усилий Гордеев убедил Марсианский Триумвират в необходимости не только торгово-политического, но и военного союза, а Колониям просто пригрозил перекрыть все каналы снабжения. Уговоры и угрозы подействовали, и соединенная армия ОВК, Триумвирата и Колоний осадила Эйзен. Впоследствии это завершающее сражение затянувшейся Пятой Космической войны попало во все учебники истории как Битва при Хароне. Коалиция полностью разгромила армию нацистов, постепенно выловила большую часть диверсантов, а тех из жителей Эйзена, кто был замешан в темных делишках, Гордеев выслал в Пояс Освоения на вечное жительство.

С тех пор город стал мирным, тихим и интернациональным. А на далеких Колониях Пояса Освоения, вроде Грации, приобрела популярность немецкая речь.

И с тех же пор в окончательно сформировавшемся ОВК начался период тридцатилетнего мира и относительной стабильности. Который в одночасье прервала Катастрофа...

...Правитель Европы при Юпитере князь Василий Борисович Бородач вошел в офис Седьмого Литейного через черный ход. У запасного лифта его встретил лично начальник охраны.

– Ермаков, – представился главный охранник.

– Привет, – Бородач запросто пожал ему руку. – Русский? Это хорошо.

– Почему?

– Потому. Гарантия, что ты по совместительству не гестаповский шпик. Так?

– В *Geheime Staatspolizei*¹ Эйзена служат исключительно потомки Зигфрида, – согласился Ермаков. – Правило не сумел отменить даже сам Гордеев. Местные жители доверяют только такой тайной полиции. Это у них в крови.

– Ну вот. А еще все они снобы и стукачи. Это тоже в крови. Сдать человека преображенским ищейкам за деньги или просто от избытка законопослушности для них как умыться. Так, земляк Ермаков, или нет?

Князь похлопал начальника охраны по плечу и ухмыльнулся. Левая половина лица, едва зажившая после обширного ожога, пока еще плохо слушалась, и ухмылка получилась кривой, словно бы саркастичной. На самом деле князь просто хотел подчеркнуть, что даже опальный дворянин стоит на десять ступеней выше любого служаки, тем более такого незначительного, как начальник охраны. Пусть тот и командует охраной гигантского по любым меркам оружейного завода.

– Бургомистр и представители Колоний ожидают вас в дирекции. Прощу.

Ермаков пропустил князя в лифт и нажал нужную кнопку.

¹ Гестапо, тайная полиция (нем.).

– А эти... новенькие прибыли? – поинтересовался Бородач.

– Только один, – на волевом лице Ермакова появилась гримаса неудовольствия. Это не ускользнуло от внимания князя.

– Тебя что-то не устраивает?

– Чутье, – спокойно ответил начальник охраны. – Впрочем, это не мое дело...

– Не твое, – согласился князь. – Но я учту. Пока мы не поймем, кто они и чего им от нас надо на самом деле, придется полагаться именно на чутье профессионалов. Ты сколько в охране?

– Десять лет.

– А до этого где трудился?

– В Службе Безопасности на Грации.

– Долго?

– Столько же.

– Солидный опыт, – Бородач смерил охранника пытливым взглядом. – Следи за чужаком внимательно. Это может оказаться очень важным.

– Я понимаю, – Ермаков кивнул. – Прошу.

Дверцы лифта раскрылись, и князь с охранником вошли в просторный холл дирекции. Там их встретили еще двое сотрудников службы безопасности. Они ловко обследовали князя сканерами, вежливо предложили ему пройти рентген, после чего наконец-то проводили в кабинет для заседаний. Бородач во время проверки негромко ворчал, но охранники оставались непреклонны.

– Ну Ермаков, – уже входя в кабинет, проронил Василий Борисович. – Ну молодец... Поставил службу, даже князю не прошмыгнуть.

– Ваша светлость! – Навстречу князю вышел бургомистр Эйзена. – Вы один, без молодой жены? Как долетели?

– Нормально, – буркнул князь. – А жена подводным плаванием занялась, пока на Европейском море сезон не закончился. Стресс снимает... Здравствуйте, Вальтер. Добрый день, господа.

Не дожидаясь приглашения, он уселся в ближайшее кресло и закинул ноги на круглый стол. Кроме многозначительно переглянувшихся представителей Колоний Старт и Юнкер, никто на его вольное поведение никак не отреагировал.

Василий Борисович обвел собравшихся тяжелым взглядом и остановил его на представителе новых союзников. Выглядел тот вполне безобидно. Седеющий мужчина, немного полноватый в талии, с широким, открытым лицом и безразличными серыми глазами. Сидел он как раз напротив князя, и, чтобы рассмотреть незнакомца, Бородачу пришлось-таки убрать ноги со стола.

– Начнем, – воспринимая смену позы князя как знак, заявил бургомистр. – В первую очередь разрешите представить нашего гостя, специального представителя Галактического Правительства, господина...

– Представителя чего? – прервал бургомистра Бородач. – Я что-то не расслышал.

Он уставился на гостя. Тот ответил все тем же равнодушным взглядом и повторил вместо Вальтера:

– Специального представителя Галактического Правительства.

– Впервые слышу о таком правительстве, – все тем же провоцирующим тоном заявил князь. – Мне известно о сборище головорезов под командованием Преображенского, я знаком с правительством Тирании – собранием старых пердунов, кое-что слышал о Техническом Бюро при Главном инженеру Технократии... Но о вашем «органе» мне ничего не известно. А если так, позвольте усомниться в его существовании.

– Ваши политические знания устарели, – флегматично парировал гость. – Методы борьбы, кстати, тоже. Я здесь, чтобы возглавить вашу армию сопротивления и установить в Галактике и за Рубежом новый, твердый порядок.

От такой наглости Бородач едва не свалился с кресла. Он привстал и подался вперед.

– В нашей армии ты сможешь возглавить только строительно-вспомогательную бригаду!

– Господа, господа! – попытался вмешаться бургомистр Вальтер. – Мы собрались для конструктивной беседы, так давайте на время оставим амбиции! Враг у нас один – князь Преображенский, узурпатор и деспот, – а все, кто сидит в этом кабинете, наши союзники. Очень прошу, не забывайте об этом... Василий Борисович, Андрей Петрович, вернемся к теме! Итак, разрешите представить, наш союзник господин Щукин.

– Ну-ну, – Бородач, ухмыляясь, откинулся на спинку кресла. – Союзник... И насколько он может быть нам полезен? С такими-то притязаниями.

– Все зависит от того, решитесь ли вы идти до конца, – Щукин вынул из кармана пачку сигарет и неторопливо закурил.

– Что это вы делаете? – удивленно спросил князь.

– А что? – союзник скользнул взглядом по лицам заговорщиков и остановился на Вальтере. – Пепельницы здесь имеются?

– Э-э... – бургомистр растерянно обернулся к своему секретарю. – Генрих, попросите фрау Мюллер принести... пепельницу.

– Вы с какой луны, Щукин? – Бородач коротко рассмеялся. – Костюмчик на вас... аховый, сигареты... Оттаяли во время Вспышки из вечной мерзлоты? Или, может, вы из прошлого или из параллельного мира?

– У вас богатая фантазия, князь, – союзник покачал головой. – Да, я курю, что тут такого? Привычка вредная и устаревшая, согласен, но не такая уж редкая.

– Только не в Солнечной, – Бородач прицелился в гостя указательным пальцем. – Дайте-ка я угадаю... То, что вы с Колонии, уже понятно. Осталось понять, с какой именно. Если учесть структуру вашего бреда... Галактическое Правительство... довольно нейтральная вывеска. Может, вы с Фореста? Нет, там архаика не в чести. Медея? Но с нее прилетел уважаемый мастер Толстов. Откуда же вы тогда?

– Не трудитесь, – Щукин стряхнул пепел в принесенную фрау Мюллер хрустальную пепельницу. – Все карты я раскрою лишь после заключения союза. Итак... Здесь присутствуют полномочные представители правительств и наиболее влиятельных военно-промышленных групп семи Колоний: Эйзена, Мирры, Медеи, Старта, Юнкера, Тайны и Натали. А также уважаемый князь Бородач. Все присутствующие заинтересованы в свержении существующего правительства и установлении в Галактике нового, справедливого порядка. Не так ли? Вижу, что так. Я предлагаю вам, господа, присоединиться к коалиции Галактического Правительства и выступить против ОВК сплоченным фронтом.

– Знаю, – Бородач хлопнул ладонью по столу. – Знаю, с какой вы Колонии! Вы сбежали из дурдома! Точно!

– Василий Борисович... – укоризненно проронил Вальтер.

– А как еще вы объясните его безрассудную смелость?! – взвился европейский князь. – Это нафталиновое пугало с рыбьей фамилией приходит сюда, в наш стратегический центр, и пытается диктовать свои условия! Присоединиться к его коалиции! А жен своих к вам в гарем не откомандировать? Сплоченный фронт ему потребовался. Катитесь к черту, Щукин, со своими предложениями! Справимся и без вашего Галактического Правительства.

– Вы не поняли, Бородач, – спокойно произнес союзник, поднося огонек зажигалки к новой сигарете. – Это мы, в крайнем случае, справимся без вас и ваших наемников. Я всего лишь даю вам шанс выжить.

– Выжить? – князь оперся руками о стол и наклонился к гостю. – Вы настолько сильны, что смеете нас запугивать?

– Да, – союзник поднял на него холодный взгляд.

– Я скорее встану на колени перед Преображенским, чем заключу союз с этим уродом, – обращаясь к бургомистру, процедил Бородач.

– Сесть, – негромко приказал Шукин.

Команда прозвучала настолько неожиданно, что Василий Борисович не сразу понял, что адресуется она именно ему.

– Что? – он снова уставился на союзника.

– Сесть, – спокойно, но твердо повторил тот и выпустил в лицо князю облачко сизого дыма.

Бородач побагровел, но почему-то подчинился. Более того, он умолк. Теперь он просто сидел и удивленно пялился на гостя.

– Князь сказал это... в запале, – попытался урегулировать ситуацию Вальтер. – Он вообще очень горяч...

– Я хочу услышать предварительное мнение каждого из присутствующих, – не обращая внимания на его вмешательство, сказал Шукин. – Кто еще желает сдать Преображенскому и погибнуть?

– Но мы не слышали ваших предложений, – негромко заметил представитель Юнкера. – И мы ничего не знаем о вашем военном потенциале.

– Он достаточен, чтобы победить. С вами или без вас. С вами – на день раньше.

– А если Преображенский призовет на помощь союзников из-за Рубежа? – засомневался посол с Натали. – Армия Тирании хорошо обучена, а сам новый Тиран опытный полководец.

– А боевые роботы Технократии превосходят по мощи любые наши пехотные подразделения, – добавил советник правительства Колонии Старт. – Не хотите же вы применить тактику узурпатора?

– Почему нет?

– Бомбить собственные планеты?! Это неприемлемо!

– А если не будет иного выхода? – Гость усмехнулся. – На войне как на войне. Но можете не волноваться, господа, до тактических ядерных ударов дело не дойдет. Мы справимся и с Тиранией, и с Технократией еще до начала войны против Кремля. Да и с Преображенским Галактическое Правительство намерено сражаться не самыми привычными средствами. Жертвы среди мирного населения при нашем способе ведения войны полностью исключены. Разрушений будет тоже не так много. Как только в наших руках окажется нынешний Великий Князь, мы снимем с его пальца перстень и, таким образом, развенчаем...

– Постойте, господин Шукин, – перебил его представитель Промышленного Совета Медеи. – Высокие слова – это, конечно, красиво. Снимем, развенчаем... Но вам не кажется, что сейчас вообще не время воевать? С окончания Катастрофы прошли считанные недели, в Галактике царят хаос и разруха. Человечество едва не кануло в небытие. Какие могут быть революции? Вы хотите уничтожить всех выживших? Но кем тогда будет руководить ваше загадочное Правительство? Трофейными роботами технократов, кремлевскими механическими дворниками или... метаморфами? Говорят, их споры до сих пор находят на всех пострадавших во время Метаморфозы планетах. Мы, конечно, хотим создать союз, подготовить предпосылки к смене власти, но не такой ценой.

– Завтра будет поздно, мастер Толстов, – твердо заявил союзник. – Противника следует уничтожить, пока он слаб. Это война, а не дуэль. А что до мирного населения... Я же вам сказал, безвинно никто не пострадает. Ну так что? Вы с нами?

– Я бы воздержался, – осторожно ответил промышленник с Медеи.

– Я тоже, – сказал представитель Юнкера.

– И я...

– И мы...

Щукин взглянул на бургомистра.

– Я бы дал свое согласие, Андрей Петрович, но вы так и не пошли нам навстречу. Вы не сказали ни слова о вашем потенциале. Заключать союз, ничего не зная о партнере, вслепую... это...

– Ясно, – заключил гость. – Вы мне не доверяете. Хорошо. Я дам вам шанс. Встретимся ровно через неделю. Следите за новостями. Особенно за тревожными новостями... Всего хорошего, господа.

Он встал и, чуть поклонившись, вышел.

– Муфлон винторогий, – проскрипел Бородач, когда дверь за Щукиным закрылась. – Хотел нас к ногтю прижать! Голыми руками собирался нас взять! Ур-род...

– Что-то я не все понимаю, – задумался Вальтер. – Станный он, этот Андрей Петрович. И ведет себя странно. И кто за ним стоит – непонятно.

– Ты же его привел! – удивился Василий Борисович. – Кто его тебе порекомендовал?

– В том-то и дело, что я не помню, кто, – признался бургомистр. – Кто-то очень и очень серьезный и надежный. А кто конкретно, хоть убей, не могу вспомнить.

– Дела-а... – озадачился Бородач. – А может, тебя преобразенцы так обработали? Незаметно.

– Исключено!

– В таком случае... это тревожная новость номер один, – сделал вывод Бородач. – И чутье мне подсказывает, что следующей ждать недолго...

* * *

– Господин майор! – В дверь каюты Трошкина постучал вахтенный офицер.

– Да, войдите, – майор смахнул со стола голограмму колоды карт и примерно таким же взмахом отпустил партнера по игре. Фантом растворился как раз в ту секунду, когда в каюту вошел флотский лейтенант.

– Сигнал с пограничного рейдера, господин майор, – доложил офицер. – На участке тридцать два пятнадцать зафиксирована попытка прорыва группы из семи пиратских кораблей. Пограничники просят поддержки.

– Да? – Трошкин задумчиво взглянул на вахтенного. – И что говорит капитан?

– Надо помочь.

– А наш транспорт приспособлен к таким... баталиям?

– Так точно. К ведению боевых действий в открытом пространстве готов любой корабль космофлота. А если нарушители попытаются сесть на планету, мы сможем блокировать их силами ваших десантников.

– Мои десантники только-только с планеты взлетели, – пробурчал майор. – И так почти год на этой Данае просидели. Если вы не в курсе, первая рота моего батальона сменилась с боевого дежурства, на которое заступила в самом начале войны.

– Я в курсе, господин майор, но операция не займет много времени, да и возвращаться на Данаю вашим солдатам вряд ли придется. Пираты попытаются уйти за Рубеж, даю гарантию. Это их обычный прием. Наша задача – этого не допустить.

– Расстреляете их главным калибром?

– Если не сдадутся...

– Ну что ж поделать? – Трошкин вздохнул. – Надо, значит, надо... Сейчас оденусь, приду на мостик. Посмотрим, что там за пираты.

Лейтенант терпеливо дождался, когда десантник облачится в боевой костюм, как и полагалось в случае объявления тревоги, и они направились в рубку транспорта. Едва шагнув на порог мостика, лейтенант кивнул оператору связи.

– Врубай!

Связист ткнул в украшенный восклицательным знаком сенсор, и по кораблю разлетелся вой тревожного ревуна. Экипажу эта музыка предписывала занять места согласно боевому расписанию, а десантникам – облачиться в боевые костюмы, получить оружие и ждать возможной команды к высадке.

Трошкин представил, как сейчас матерятся его подчиненные – за время сидения на выжженной ядерным пожаром Данае одуревшие от лекарств-радиапротекторов, взвинченные от постоянного боевого стресса, покрытые ожогами и шрамами, забывшие, что такое нормальная, не концентрированная пища и спокойный сон. В конце концов, не видевшие уже почти год ни одной приличной бабы... Разве что злобных наемниц, воевавших на стороне врага. Но этих подолгу рассматривать было небезопасно. В бандах мятежного князя Бородача и его приспешников эти дамочки обычно числились снайпершами. В них десантникам приходилось стрелять. Первыми. Выбора не оставалось.

Все это отнюдь не поднимало боевой дух, но солдаты в роте Трошкина подобрались крепкие и физически, и морально. Майор за них не беспокоился. Солдаты есть солдаты. Поругаются, отведут душу, но в норматив уложатся почти рефлекторно. Уже через минуту будут сидеть в посадочных креслах, в полной боевой выкладке. Молчаливые и сосредоточенные. Вооруженные Силы ОВК, специальный десантный батальон штаба армии Каллисто, что тут добавить? Элита... За право служить в этом подразделении новобранцы готовы отдать все сокровища мира. Так что лучшие солдаты Галактики отлично понимали, какая на них лежит ответственность. Прекрасно понимали. Особенно сейчас, когда их, ветеранов, воспитанных еще до войны полковником Воротовым и майором Блиновым, во всем ОВК осталось две роты. Одной командовал Трошкин на Данае, а другая охраняла Великого Князя в Кремле. По их образу и подобию в учебных центрах сейчас взращивались тысячи и тысячи салаг, а потому десантники Трошкина готовы выполнять любые боевые задачи без стонов и самым тщательным образом. Иначе никак. Иначе позор и отставка. А это хуже смерти.

– Не успеваем, – на секунду оторвавшись от экрана, бросил капитан транспорта. – За кордон рвутся, гады...

– А если ракетами? – предложил Трошкин.

– Нельзя, – капитан покачал головой. – Рубеж близко.

Он кивком указал на изображение золотистой сети, раскинувшейся в космосе на многие мегаметры. Она, словно странная полупрозрачная стена, отделяла владения Земли от далекого, но одновременно близкого пространства Тирании Чин – Технократии Роммы. Объяснения этому явлению до сих пор никто не нашел. Тор из текучего золотистого вещества, незадолго до Катастрофы появившийся чуть дальше Данаи, сначала соединил то ли две противоположные части Млечного Пути, то ли две далекие Галактики – ученые до сих пор не определились – внепространственным колодцем, а затем претерпел три последовательные трансформации.

Результатом первой – расширения золотого тора – были взрывы, едва не разнесшие в клочья светила всех обитаемых миров землян. Сколько во время этих вспышек погибло обжитых планет и, соответственно, людей, было больно вспоминать. А потом появились светящиеся коконы, целиком окутавшие планетные системы атакованных звезд и на поверку оказавшиеся инкубаторами для убийц-метаморфов. Эти жуткие чудовища, вылупившись из своих споров, почти добились тех, кто не погиб во время страшных солнечных вспышек.

Затем на месте зловещего «бублика» сформировалась такая же, как сейчас, сеть. От края до края примерно с десятков диаметров Солнечной. Но просуществовала она недолго. Очень скоро сеть порвалась на лоскуты и с немыслимой скоростью полетела внутрь пространства

чинидов-технократов. Там золотистые «лоскуты» проделали почти тот же фокус, что и вещество вспыхнувших звезд в Галактике. Они закутали обитаемые системы в коконы и «высидели» на планетах полчища уродливых энергетических существ, которые серьезно проредили и население зарубежья.

Новая, на данный момент последняя сеть оказалась более стабильной и не слишком плотной. Сквозь ячейки из текучих золотых нитей свободно проходили целые караваны судов и развернутые в боевой порядок звенья космолетов. Но что за вещество – уничтожающее любое вступившее с ним в контакт материальное тело – образует сеть, никто так и не понял. И чего можно ожидать от нового Рубежа – тоже.

Поговаривали, что ответы на все вопросы знает Великий Князь, но Трошкин воспринимал это как обычную пропагандистскую уловку. Полезную, майор не спорил, но беспочвенную. При всем глубочайшем уважении к Преображенскому и готовности пойти за ним в любое пекло, в сверхъестественные способности правителя майор не верил. Ведь Трошкин был знаком с Великим Князем гораздо ближе, чем большинство подданных ОВК. Майор теперь командовал одним из подразделений личной гвардии Преображенского – спецназа армии Каллисто...

– Бойтесь, что сеть может сдетонировать, как зарубежные энергомассивы? – Трошкин взглянул на показания дальномера.

– Если честно, нет. По моему мнению, структура Рубежа другая, не взрывоопасная. Но раз приказано считать сеть модификацией энергооблаков, значит, будем считать именно так.

Бескрайние энергетические облака некогда были одной из главных достопримечательностей космического пространства по ту сторону Рубежа. Они же стали для зарубежья проклятием. Следователи военной прокуратуры ОВК и эксперты Технократии провели самое тщательное расследование, но достоверно так и не выяснили, что же послужило толчком к чудовищной детонации огромных скоплений чистой энергии, которую в качестве идеального топлива десятилетиями использовали жители зарубежья. В секретных рапортах упоминался малый рейдер землян, врубивший термоядерный форсаж и ринувшийся на этой тяге в гущу энергомассива, но кто управлял этим кораблем-камикадзе, узнать не удалось. В результате Великой Цепной Реакции мир чинидов-технократов пострадал даже больше, чем Галактика от вспышек на светилах обитаемых систем. Из ста колоний Тирании Чин и десятка планет Технократии уцелело двенадцать. Да и те оказались в очень сложном положении, ведь остались без дармовой космической энергии, а о реакциях управляемого ядерного распада или синтеза никто за Рубежом и не задумывался. К чему им было усложнять себе жизнь, изобретая реакторы и конвертеры, если запасы чистой энергии казались практически неисчерпаемыми?

– Господин капитан! – вдруг крикнул с ходового мостика связист. – Навстречу пиратам идут корабли чинидов! До флотилии!

– Идут к Рубежу? – уточнил командир транспорта.

– Уже прошли! Они в нашем пространстве. Пытаются взять пиратские рейдеры под охрану!

– Оборзели, – процедил сквозь зубы Трошкин. – Думают, если нас тут всего два корабля, так им все можно?

– Мы действительно бессильны, – капитан огорченно вздохнул. – Применять тяжелые ракеты нельзя, позади нарушителей Рубеж, и любой промах может привести к непредсказуемым последствиям, а ввязываться в лучевую перестрелку нет никакого смысла. Их броня и силовые щиты ничуть не слабее наших.

– Позади Рубеж... – задумчиво повторил за капитаном Трошкин. – Однако странно, что корабли Тирана так запросто плюнули на все договоры и открыто нарушили границу. Для этого должна быть весомая причина. Высокородный политэмигрант?

– Возможно, на одном из пиратских рейдеров действительно находится какая-то важная персона, – предположил капитан. – Но вряд ли это Бородач или кто-то из его ближайших помощников.

– Вряд ли, – согласился майор. – Но кто-то все же собрался без визы за границу. Кто-то из наших, и настолько важных для Ергелана, что он не постеснялся вот так рискованно выйти ему навстречу.

– Вы думаете, Тиран в курсе?

– А то?! Такие провокации проводятся только с высшего дозволения... И у нас, и у чинидов. Их уставы я уже немного изучил. У них, как и у нас, без согласования с Генштабом допускается только преследование нарушителя до границы... с нанесением адекватного удара, – Трошкин хитро взглянул на капитана. – Что, если Рубеж будет позади нашего корабля? Совсем чуть-чуть. На корпус. Тогда можно будет по ним от души врезать?

– На корпус мало, – осторожно ответил капитан. – Если бы минут на двадцать... Но это будет даже не приграничье. В тридцати минутах по ту сторону Рубежа расположены Семри и Сулла, а в часе сорока – Мосита. Это уже внутреннее пространство Тирании. Если мы зайдем настолько далеко, получится не преследование, а глубокий ответный рейд.

– Главное – ответный, – майор сложил руки на широкой груди. – Ну не терпеть же такую наглость?!

– Вы, как гвардии майор, с Каллисто...

– Да, да, – Трошкин поморщился. – Всю ответственность беру на себя.

– На орбите Семри и Суллы сосредоточено три космических флота, – все еще колеблясь, предупредил капитан.

– Туда нарушители не пойдут, – уверенно ответил Трошкин. – Слишком засвеченные места. Но и далеко они не отправятся.

– Тогда... Мосита?

– Вот именно. Главная госпитальная база Тирании. Вполне безобидный объект. Самое удобное место для тайных переговоров. Тут ведь вот какая штука, капитан. Их надо не только за борзость наказать. Еще и другие мотивы в пользу моего решения имеются. Если нам удастся выяснить, что за новый заговор тут затевается, а еще лучше – зарубить его прямо на корню, нам же самим меньше по космосу носиться. Ну и Сергею Палычу одной головной болью меньше.

– Без согласования со штабом разведки и пограничным начальством...

– Очнись, капитан! Каждая минута на счету! Да и не до нас сейчас штабу. А погранцов мы на этой стороне оставим. Зачем кордон оголять? Решайся, пока я не приказал!

– Лучше прикажите, – капитан насупился.

– Приказываю, – Трошкин махнул рукой. – Эх ты, волк межзвездный...

– Я просто не привык нарушать инструкции и приказы, – обиделся капитан.

– Вот и следуй привычке, – строго заявил майор. – Приказ: преследовать нарушителей! На той стороне открыть огонь тяжелыми ракетами. Все понятно?

– Так точно. Начнется война – Преображенский собственноручно головы с нас снимет.

– Начнется война, нас и без него приложат, прямо здесь, – Трошкин оперся о высокую спинку кресла, в котором сидел корректировщик огневых систем, и поверх макушки офицера взглянул на боевой экран. – Пусковые сразу открой. Прыжок сквозь Рубеж дело быстрое...

Быстрым делом оказался не только прыжок. Когда транспорт вынырнул с той стороны Рубежа, Трошкину пришлось срочно менять вводную.

– Отставить огонь ракетами! Все равно на всех не хватит. Маневрируй, капитан!

Навстречу кораблю землян, оттирая его от конвоя нарушителей, двигалось не меньше тридцати крейсеров. И все вели интенсивный огонь. Силовой щит транспорта пока справлялся, но работа корабельных систем в таком напряженном режиме существенно уменьшала запасы топлива в силовых установках. А еще приходилось отстреливаться, дабы крейсеры не подо-

шли вплотную. Тоже нагрузка на реакторы и конвертеры. Долго это продолжаться, конечно же, не могло. Загадочный конвой уходил все дальше, и шансов перехватить его становилось все меньше.

– Надо прыгать! – решил Трошкин.

– Куда? – нервно спросил капитан.

– Вектор движения нарушителей определяется?

– Они уже прыгнули, какой может быть вектор?! – огрызнулся капитан.

– Ну прыгали-то они не внутрь себя! Не коллапсировали же за ненадобностью! – Майор рассердился. – Связист, вектор мне, быстро!

– Рубеж – Мосита! – торопливо ответил офицер связи.

– Прыжок к Мосите!

– Это будет расцениваться как диверсионный рейд, – попытался возразить капитан.

– Прыжок! – взорвался Трошкин. – Некуда нам отступать! Засветились уже!

– Гиперход, – устало приказал капитан вахтенному. – Майор, вы курите?

– Это вредно, – отмахнулся Трошкин.

– Это не вредно, – капитан покачал головой и вынул из кармана трубку. – Это бесполезно.

– Вы до мобилизации где трудились? – Майор успокоился и сел в кресло второго пилота.

– Заметно, что я не кадровый? – Капитан уселся рядом. – Торговый флот Терции. На сухогрузе «Одесса» ходил. Старпомом.

– Капитан серьезный был?

– Лучший на флоте. Он во время рейда на Данаю погиб. Я ему, как родному, доверял.

– Вот и мне доверяйте, как ему, – Трошкин похлопал капитана по плечу. – Тогда вернемся с победой. Я, в отличие от вас, кадровый военный и бывал в таких передерягах, вы даже представить не сможете... Выйдем из прыжка, сразу гиперсканами все прочешите. Как только поймаете угол снижения конвоя, сразу вниз. Понятно?

– Зачем?

– Сядем первыми и устроим засаду.

– Лихо... – трубка капитана погасла, пыхнув напоследок особо густым облачком. – А если они сядут на охраняемом космодроме?

– Выход! – опережая ответ майора, крикнул связист. – Наблюдаю выход конвоя! Курс снижения зафиксирован!

– Где? – Трошкин подался вперед. – Где они собираются сесть?

– Вон в той пустыне, – связист кивнул на обширное желтое пятно, украшающее юг наиболее крупного из континентов Моситы.

– Снижаемся параллельным курсом, – приказал майор. – Будет им и теплый прием, и радушная встреча! И хлеб с солью, и плюшки с чаем...

Договорить он не успел. Десантный транспорт вздрогнул и вместо плавного снижения начал падать. Желто-зеленый шар планеты перевернулся вверх ногами, затем еще раз, и еще... Транспорт летел к поверхности Моситы, ввинчиваясь в ее атмосферу гигантской пулей и даже не пытаясь выровнять свой опасный полет.

Трошкин изо всех сил вцепился в кресло и, пытаясь перекрыть вой аварийной сигнализации, заорал:

– Антиграв! Запасную цепь антиграва врубай!

– А то я не пытаюсь?! – крикнул пристегнутый к соседнему креслу капитан. – Нам вцепили ракету прямо в силовой отсек! Кто-то подкрался с тыла!

– Черт! Кто это мог сделать?!

– Какая разница?! Сейчас важнее, как нам выкрутиться!

– Если не сработает автоспасатель – никак!

– А когда он должен сработать?

– Кто тут капитан?!

– Это мой первый рейс на военном транспорте!

– А-а... черт! Не знаю, когда. Но не позже чем за десять секунд до финиша!

А финиш близился. Поверхность планеты, видимая в красных тонах сквозь окутавшее корабль пламя, приближалась с головокружительной быстротой. До нее оставались считанные километры, когда вой сигнальной системы сменился не менее душераздирающим кваканьем и на смену невесомости свободного падения пришли тормозные перегрузки. Автоматика все же сработала, но, видимо, не в штатном режиме. Посадка получилась исключительно жесткой. Трошкин услышал оглушительный грохот удара о грунт, скрежет сминающихся корабельных конструкций, затем посыпались желтые искры и наступила темнота...

– ...Это земляне, правитель, – сквозь вату полузабытья донеслось до слуха майора.

– Вижу. Кто-нибудь выжил?

– Трое солдат и вот этот офицер...

Майор почувствовал, как кто-то пнул его в бок. Боли он не ощутил. Все тело будто онемело. Трошкин попытался открыть глаза, и с третьей попытки это ему удалось. Он полулежал все в том же кресле, среди умеренно дымящихся обломков корабля. В огромную пробоину, зияющую на месте обзорного экрана, ему виделись снующие вокруг чиниды. Черные балахоны, расшитые вензелями личной охраны Тирана, боевые шлемы с узкими щелями визоров, длинные, особо мощные винтовки. Определенно, майор оказался прав в своих недавних предположениях. На тайную встречу с загадочным «нелегальным эмигрантом» прибыл сам Ергелан. Или кто-то из его ближайшего окружения. Трошкин перевел взгляд в сторону. Точно, он!

– Спецназ. Каллисто, – прочел на шевроне майора стоящий рядом с Тираном человек. – Личная гвардия Единственного. Вам не кажется это странным, правитель? Зачем лучшим офицерам Преображенского понадобилось шпионить здесь, на Мосите?

– Зачем – вопрос второй, – недовольно проскрипел Ергелан. – Важнее, как он посмел нарушить договор?! Он захотел новой войны?

– А разве он прекращал «старую»? Все ваши трехсторонние пакты были для него тактической уловкой. Способом выиграть время для перегруппировки сил... Эти разведчики – убедительное тому доказательство. Великий Князь не прекращал войну.

– Он за это заплатит, – прошептал Тиран. – Клянусь тенью Сунджи. Будь князь трижды Единственным! Тот, кто нарушает священные договоры, не может быть избранным. И недостойно владеть главным сокровищем вселенной...

– Я бы на вашем месте думал не о перстне, а о более полезных вещах. Например, о новых силовых агрегатах для ваших кораблей. В условиях дефицита чистой энергии это вопрос вопросов.

– Ты чужак, Андрей, – Ергелан поморщился. – Тебе не понять всей стройности бытия и места в нем каждого элемента. Перстень Тирана – это вершина пирамиды мироздания!

– Хорошо, – легко согласился Андрей. – Если вам ближе такая мотивация, извольте... Перстень – главнейшая ценность Вселенной. Но владеет им Преображенский. Разве это правильно?

Майор закрыл глаза. Телу потихоньку возвращалась чувствительность, а вместе с ней приходила боль. И не только физическая. Он оказался самонадеянным глупцом. Бравым кретином! Ослом в португее! На самом деле враги были более искусненными не только в тактике космического боя, они переплюнули майора по всем статьям. Этот неведомый Андрей явно играл на чувствах и предрассудках чинидов, чтобы раскачать их на новую войну с землянами. Это главное. А зачем – действительно второй вопрос. И кто стоит за этим землянином, тоже несущественно. Скорее всего, Бородач. Хотя, может быть, и кто-то более серьезный, чем

взбалмошный князь. Ведь недаром Тиран выслал для прикрытия нелегального переговорщика целую эскадру крейсеров...

– Я приглашаю тебя в свой шатер, – Ергелан кивнул на выход из полуразрушенного корабля. – Это в получасе полета отсюда. Там разговаривать будет удобнее.

– Благодарю за приглашение, правитель, – вежливо ответил Андрей. – Приму его с огромным удовольствием и... облегчением.

– Почему с облегчением? – удивился Тиран.

– Да потому, что тут все может взлететь на воздух в любую минуту, – землянин усмехнулся. – Знаете, что бывает, когда взрывается реактор?

– Грохочущий огненный зонтик?

– Зонтик, – Андрей рассмеялся. – Это точно... Или гриб-поганка. Или медный тазик. У кого на что хватает фантазии.

– Летим, – Ергелан приостановился у выпавшего наружу люка и позвал одного из своих офицеров. – Темник! Распорядись забрать выживших воинов.

– Зачем они вам? – спросил Андрей. – Оставили бы их здесь. Пустыня Каралл вполне подходящее место для медленной смерти от жажды.

– Они воины, – строго заметил Ергелан, – а значит, достойны лучшей смерти. К тому же пленные земляне будут доказательством нарушения Преображенским принципов тройного союза.

– Диверсанты – не воины, – фыркнул Андрей. – На них правила не распространяются. Но дело ваше.

– Ты не любишь землян еще больше, чем я, – заметил Тиран. – Почему? Ведь ты сам землянин, Андрей Шукин.

– Долго объяснять.

– Когда придет время, убить их я позволю лично тебе.

– Они же пленные, – человек хитро прищурился. – Воины.

– Ну и что? – Тиран пожал плечами. – Воинам не пристало подыхать от жажды посреди пустыни, а умереть от клинка или луча – это почетно.

– А если я задушю их голыми руками?

Ергелан немного подумал и кивнул.

– Годится...

Трошкину их намерения не показались ни страшными, ни даже серьезными. Так, дешевый треп от нечего делать. По-настоящему его волновало лишь одно: как, хотя бы частично, исправить то, что он натворил...

Глава 3

Ноябрь 2324 г., Технократия – ОВК – Тирания

Наземные учения не проводились на Ромме с тех пор, как в распоряжении технократов появилась первая колония – Сетта. Уже в те времена столица Технократии была плотно заселенной планетой, и найти на ней достаточно просторную площадку под полигон было невозможно. Сетта заселялась быстро, но в течение двадцати лет военные чувствовали себя на ней вполне вольготно. А когда паутина дорог и воздушных трасс опутала колонию почти так же плотно, как метрополию, разведчики обнаружили не занятую никем Тессу, а затем Семри, Суллу... и везде, уже традиционно, первыми обосновывались военные. Полигон, военный городок, инфраструктура, требующая присутствия гражданских лиц, постепенное увеличение численности населения до критической массы и в финале – лавина освоения: интенсивное строительство новых районов и развитие транспортных и информационных сетей. Таким был сценарий освоения всех девяти колоний.

Был... Теперь у Технократии осталась только полуразрушенная столица и все приходилось начинать с нуля. Полигоны для обкатки новых систем обороны, городки, инфраструктура... Главный инженер Кноппус не стал выдумывать новые алгоритмы, ведь прежние были верны, просто они не учитывали фактора агрессии из-за Рубежа. Теперь в схему развития внесены соответствующие коррективы, с зарубежным правителем заключен мир, и Технократия восстает из радиоактивного пепла.

Без ресурсов колоний полностью восстановить хозяйство трудно, но ничего не поделаешь; кроме Роммы, из девяти планет более-менее уцелела лишь Семри, да и та частично захвачена чинидами. В трехстороннем договоре о мире не нашлось места для пункта о спорных территориях. Этот вопрос подвешивался в воздухе до лучших времен. Вернее – до худших. До того момента, когда государства накопят силы и смогут ими снова помериться.

Кноппус не питал иллюзий насчет своих соседей – Тиран Ергелан стал достойным продолжателем дела Великого Чина. Захват всех обитаемых планет и господство по эту сторону Рубежа – его «программа-минимум». Как максимум – он видит под властью Тирании и все пространство землян, а быть может, и другие, пока недоступные части огромной Галактики. Или даже всех ближайших Галактик...

Главный инженер невесело усмехнулся. Ергелан вряд ли доживет до того момента, когда техника чинидов позволит легко преодолевать расстояния в миллионы световых лет. Да и корабли технократов пока не способны решить такую задачу. Их силовые установки создавались с расчетом на подпитку чистой энергией безвозвратно сгинувших энергооблаков, а вместо порталов на них установлены сканеры, обнаруживающие естественные нуль-червоточины. Всего год назад, до войны, эта схема работала безотказно, но теперь... Энергооблака исчезли, а червоточины, как выяснилось, пронзают довольно ограниченный участок пространства и только по одну сторону Рубежа.

Вот земляне уже вплотную подошли к решению проблемы выхода за пределы Галактики. Их корабли оснащены индивидуальными порталами, а ходовые установки позволяют летать довольно долго без дозаправки. Вещество, которое они используют для инициации работы конвертеров, превращающих космический водород в энергию, дорого и редко встречается, но зато нескольких десятков килограммов хватает на сотню длинных прыжков, а это не меньше ста тысяч световых лет... Если земляне снабдят корабль достаточным запасом плутония и отправят его к ближайшей Галактике, они станут первыми, и Тирану снова придется с помощью оружия оспаривать чужое право на новые миры.

Но землянам сейчас не до научных экспедиций. Их государство разрушено не меньше соседних, а дефицит людских ресурсов, пожалуй, даже жестче. Князь Сергей не станет распылять силы. Ведь, кроме проблем чисто хозяйственных, в ОВК существуют проблемы полити-

ческие. За Рубежом чрезвычайно сильна оппозиция. Уцелевшие после Катастрофы Колонии только и ждут удобного момента, чтобы расквитаться с Великим Князем за все унижения и жестокие расправы, которые он учинил, подавляя мятежи, вспыхнувшие накануне Метаморфозы.

Кноппус, конечно, не собирался поддерживать зарубежную оппозицию, как это тайно делал Ергелан. По сведениям разведки, тот принял у себя представителя заговорщиков и даже лично отдал приказ устроить небольшой пограничный конфликт, чтобы дать возможность конвою сепаратистов уйти за Рубеж. Настроение прямолинейного и ничего не смыслящего в дипломатии правителя чинидов очевидно: Тирания стоит на пороге «единого галактического дома» и готова в любую минуту выйти, громко хлопнув дверью. В отличие от Тирана Главный инженер Технократии действовал осторожнее и больше доверял хозяину ОВК. А вернее – его союзникам. Кноппус не сомневался, что Ван Ли не единственный союзник Преображенского и что за ним стоит Некто: могущественный и недоступный пониманию. Почему возникла такая уверенность? Это, пожалуй, оставалось единственным вопросом без ответа. Рациональное, генетически заложенное «технократическое» осмысление окружающей действительности тут оказалось бессильным. Кноппус не верил в божественные силы, на Ромме это было не принято. Он не верил даже в высший техноразум; чем все же грешили некоторые из граждан Технократии. Главный инженер верил только в логику и математику. Но рациональное сознание Кноппуса не могло объяснить, кто есть на самом деле Ван Ли и его неосязаемый покровитель (а быть может, его вторая, невидимая составляющая). И это бессилие его пугало. А от страха до слепой веры и безоговорочного подчинения ровно один короткий шаг. И, похоже, Кноппус его сделал. Такова уж человеческая природа. Будь ты пастух на диком, холодном Торбане или Главный инженер Технократии, а против глубинных инстинктов твой разум бессилён...

Главный инженер украдкой взглянул на Ван Ли. Высокий гость пожелал присутствовать на учениях. Отказать ему было невозможно. Да и не нашлось причин. Технократам нечего скрывать от союзников. Да и если б нашлось что – внешний вид новых боевых роботов никак не мог выдать секреты их электронной начинки. Но Ван Ли, похоже, интересовали не технологические новшества, а сама учебная битва, ее эмоциональная атмосфера, как ни странно это звучит. Конечно, у роботов не могло быть эмоций, но они имелись у операторов и зрителей. А потому на трибунах для военных наблюдателей постепенно становилось жарко. Особенно в секторе, где расположился руководитель учений и расселись высокие гости: Кноппус, Ван Ли и представитель генштаба ОВК генерал Казаков.

– Не прорвутся! – возбужденно сверкнув глазами, выкрикнул генерал.

Он указал на правый фланг наступающей цепи механических солдат.

– Дальше ров, они укроются в нем, дождутся подхода второй линии и перегруппируют силы, – спокойно возразил Ван Ли.

Военная игра захватила его не меньше, чем генерала, но он вел себя более сдержанно.

– Сейчас в бой вступят новейшие летающие машины, – сказал Кноппус, указывая на заслонившую горизонт серую тучу. – Они пробьют энергощиты линии обороны и откроют проход для наземных сил.

– Это боевые машины? – удивился Казаков. – Выглядят как рой механических пчел.

– Немного крупнее, – Главный инженер вежливо улыбнулся. – И жалят они больше. Это последняя разработка. Небольшие размеры в сочетании с мощным вооружением и маневренностью дают этим «пчелам» огромное тактическое преимущество.

– А каким образом они управляются? У каждой машины своя программа или ваш командный центр способен отслеживать сразу несколько тысяч целей?

– И то, и другое, – не без гордости ответил Кноппус. – Они принимают самостоятельные решения, ориентируясь по обстановке, но общие задачи ставит центр.

Рой летающих машин пронесся над трибуной, и теперь стало видно, что он имеет четкую структуру. Главный инженер кивнул технику-адъютанту, и перед наблюдателями появилась голограмма в масштабе десять к одному. «Пчела» действительно имела некоторое внешнее сходство с насекомым. Ее тело состояло из трех обтекаемых частей, на воздух опирались две пары коротких крыльев, а головную часть украшали два орудийных «жала» и один фасеточный «глаз». Сходство дополнялось шестью короткими лапами-подвесками под средним сегментом тела. Однако реальное назначение «лап» Казаков угадать не смог. К ним не крепились ожидаемые землянином ракеты, и на манипуляторы они не походили. Скорее они выглядели как сложенные ножи.

– Здорово, – генерал проследил взглядом за роєм. – А зачем лапы? По-моему, они ухудшают аэродинамику.

– Нет, это важные элементы тройного назначения, – возразил адъютант Кноппуса. – Во-первых, они являются вертикальными стабилизаторами, во-вторых, режущим инструментом, на случай если машине придется вступить в непосредственный контакт с противником, а в-третьих, они могут прицельно отстреливаться. В последнем случае машина становится плохо управляемой, но отстрел стабилизаторов – предпоследний этап программы. После него робот получает команду самоликвидироваться. Таким образом, машина до последней секунды способна сражаться с превосходящими силами противника и нанести ему максимально возможный урон.

– Хорошее оружие, – Казаков снисходительно взглянул на офицера.

Кноппус заметил его тщательно замаскированную усмешку. Конечно, «пчелы» – это не ядерный снаряд, землянин имеет право на иронию. Один килотонный, заградительный атомный взрыв на пути такого роя, и все машины будут уничтожены до того, как вступят в бой. Против армии ОВК, если произойдет разлад и она применит против технократов тактическое ядерное оружие, будут бесполезны любые роботы. И все же с чисто технической точки зрения новые летающие роботы выглядят совершеннее любых боевых машин по обе стороны Рубежа. Их очень трудно поразить лазером или энерголучом, от баллистических снарядов – ракет и пуль – они запросто уходят, а быстродействие их компьютеров впечатляет даже самих технократов. И поскольку первым кандидатом в агрессоры является не князь Преображенский, а Тиран Ергелан, вся эта подготовка определенно имеет смысл. Во время войны чиниды сумели захватить не более десятка «серебряных стрел», и Ергелан вряд ли станет тратить свое стратегическое богатство на войну против Роммы. Ведь он наверняка строит планы на зарубежье, и ракеты ему еще пригодятся.

Удивленный возглас адъютанта отвлек Кноппуса от размышлений.

– Оператор!

Главный инженер покосился на техника. Чуть ниже и левее, над проходом между рядами центральной трибуны, тот развернул голографическое окно связи с командным пунктом. Абонент, молодой офицер-оператор, выглядел не на шутку встревоженным. С людьми его профессии подобное случалось крайне редко. Обычно они уверены в своих силах, и если обнаруживают какие-то неполадки, то устраняют их еще до того, как это заметят наблюдатели.

– Я не понимаю, господин техник! – с ноткой отчаяния в голосе признался оператор. – Сильное электромагнитное возмущение! Оно полностью блокировало связь с роєм и... я боюсь, что повредило программу...

– Мощность передатчиков...

– На пределе, – не дослушав, ответил оператор. – Это неизвестное электромагнитное поле до сих пор действует и... теперь оно управляет роєм! Я... я... не знаю, что предпринять!

– Господин Главный инженер, – адъютант обернулся к наблюдателям. – Нам лучше уйти с трибуны!

– Похоже, они возвращаются, – будто не слыша его, задумчиво пробормотал Кноппус, пристально разглядывая горизонт. – Странный сбой...

– Господин...

– Я слышал! – резко оборвал адъютанта Кноппус. – Спускаемся в бункер. Господа наблюдатели, прошу...

Казаков хмуро взглянул на безмятежного Ван Ли и молча направился за Главным инженером к лифту. Уже непосредственно перед дверями он обнаружил, что за ним никто не идет, и удивленно обернулся.

– Ван Ли!

Тот будто не слышал. Он стоял абсолютно неподвижно и смотрел на приближающуюся тучу механических «пчел». Казаков придержал за рукав Кноппуса и кивком указал на Ван Ли.

– С ним что-то не так...

– Господин Ван Ли! – Главный инженер тревожно взглянул на рой. Он подлетел уже совсем близко. Ван Ли по-прежнему не шевелился.

– Надо его оттащить! – крикнул Казаков и бросился обратно на трибуну.

Подбежав, он попытался схватить Ван Ли в охапку, но словно наткнулся на невидимую упругую преграду и отшатнулся. Какая-то непонятная сила не подпускала его к Ван Ли. Генерал попытался протянуть к наблюдателю руки, но они не смогли коснуться плеч Ван Ли, остановившись в пяти сантиметрах.

– Какое-то силовое поле! – выкрикнул Казаков. – Помогите!

Кноппус шагнул вперед, но в эту минуту рой затмил небо и обрушил на трибуну всю свою огневую мощь. В одно мгновение от сидений и конструкций остались только тлеющие угольки, а наклонное бетонное основание задрожало и начало оседать. Адъютант преградил дорогу Кноппусу и прикрыл его собой от летящих с трибуны обломков. Откуда-то из потайной двери рядом с лифтом спешно выдвинулись роботы-охранники и окончательно закрыли Главному инженеру обзор. Они не стреляли в рой, поскольку автоматика распознавала в «пчелах» своих, а от людей не поступало команды, отменяющей эту программную установку.

Главный инженер попятился к лифту, но между корпусами охранников вдруг открылся достаточный просвет. Кноппус замер в немом изумлении. На полуразрушенной трибуне, среди языков пламени, под ливнем энерголучей и в окружении метели из осколков бетона, стоял человек, окутанный тонкой силовой оболочкой. По всем расчетам, это мог быть только Ван Ли, но Кноппус его не узнавал. Маленький посредник между мирами Рубежа вдруг стал выше и стройнее, из черных волос исчезла седина, а линия спины и посадка головы стали просто царственными. Словно это вовсе не Ван Ли, а какой-нибудь правитель древних миров. Тех, в которых цари были действительно лучшими, а не просто рожденными другими царями... Словно это не Ван Ли, а сам Великий Технолог или чинидский древний тиран Сунджа...

Сунджа? От неожиданной мысли у Кноппуса стало прохладно внутри... Ван Ли хранил Перстень Сунджи, реликвию ушедшей цивилизации... Неужели... Это невероятно, но все-таки... Неужели Тот, кто выжил, и есть Сунджа?! Лишившийся в невообразимой катастрофе своего мира, но уцелевший, поскольку бессмертен и защищен высшими силами. Перстень и непонятное силовое поле... Этого, конечно, мало, чтобы утверждать, что Ван Ли и есть древний Тиран, однако вот он стоит под губительным огнем целого роя совершенных боевых машин и невозмутимо взирает на тщетные потуги неведомых врагов...

Кноппус сглотнул вязкую слюну и невольно оперся на плечо адъютанта.

– Ты видишь... это? – прохрипел Главный инженер.

– Я... вижу, но не понимаю... – тихо признался техник. – Ничто не может противостоять такому натиску. Даже самое мощное силовое поле... А еще... я не узнаю этого человека...

– Вот именно, – Кноппус рывком расстегнул воротник мундира. – Но мы должны отогнать этот рой! Тот, кто им управляет, может пойти на крайние меры!

Адъютант не успел ответить, поскольку предположение Кноппуса оказалось верным. Рой поднялся выше, перестроился и вошел в дружное пике. Падая с предельным ускорением, «пчелы» дружно отстрелили все свои ножи-стабилизаторы. Свистящий стальной водопад на мгновение заслонил фигуру человека, а затем обрушил трибуну под ним.

Кноппус едва удержался на ногах, так затрясся пол лифтовой башни, но не ушел. Он уже понял, что единственной целью нового хозяина роя намечался Ван Ли. До перепуганных технократов ему не было решительно никакого дела.

Рой с оглушительным воем пронесся мимо и снова набрал высоту. Где-то на пределе видимости он исполнил грациозную мертвую петлю и снова вошел в пике.

Пока машины совершали маневр, клубы пыли немного осели и механистические понятия технократов о жизни и законах природы получили новый сокрушительный удар. Ван Ли оставался на месте. Его по-прежнему окутывало силовое поле, и он просто висел там, где и раньше. Под его ногами больше не было трибуны, но человек не падал на землю.

– Магнитная подушка активировалась? – неуверенно пробормотал адъютант.

Нет, здесь произошло что-то другое. Тело Ван Ли не покачивалось, что неизбежно при использовании любой силовой подушки, а твердо стояло на прежнем месте, там, где раньше была середина трибунного склона. Кноппус с опаской взглянул на пикирующий рой и шагнул назад. Сомнений не осталось, «пчелы» собирались идти до конца, и стоять рядом с эпицентром будущего взрыва представлялось крайне опасным.

Скоростной лифт бесшумно скользнул вниз, и в тот момент, когда дверцы раскрылись на самом нижнем уровне бункера, по стенам прошла волна вибрации.

– Рой уничтожен, – перед лифтом возникла голограмма связи со штабом. – Трибуны и башня над вами полностью разрушены...

Главный оператор штаба растерянно похлопал глазами. Кноппус мрачно взглянул на него и отвел взгляд, чтобы не выдать охватившие его чувства.

– Пришлите транспорт, – сухо распорядился Кноппус. – И немедленно установите источник, перехвативший управление машинами!

– Мы занимались этим с самого начала, – оператор виновато склонил голову. – Источника не было. Клянусь честью. Это было какое-то свободное электромагнитное поле или нечто с ним схожее... Моей квалификации не хватает, господин Главный инженер. Я не могу объяснить, что это было на самом деле... Но я точно знаю, что его больше нет. Оно исчезло так же внезапно, как появилось...

– Разберемся, – скрипнул Кноппус. – Спасательные бригады вышли?

– Они уже на месте... Но там мало что осталось. Только воронка и дымящиеся обломки.

– У нашего гостя было... – Кноппус замаялся. – Была индивидуальная силовая оболочка...

Пусть ищут внимательно, его тело могло уцелеть.

– Я передам, – оператор едва слышно вздохнул.

Он не верил, что кто-то мог уцелеть в эпицентре такого взрыва. Пусть этот «кто-то», по слухам, сам древний Тиран Сунджа и Великий Технолог в одном лице...

Кноппус тоже не верил в благоприятный исход, но пока оставалась малейшая надежда, ему следовало обязательно за нее держаться. А иначе не выплыть. Не было сомнений, что Технократия подверглась атаке извне, цель которой – вбить клин между союзниками и лишить их поддержки такого авторитетного человека, как Ван Ли. Вот только кто этого захотел? И каким образом у него это получилось? Что за оружие применили враги, чтобы уничтожить Ван Ли? И при чем тут поле неизвестной природы?

Кноппус уселся в кресло транспортной капсулы, и она скользнула в тоннель, соединяющий бункер со штабом полигона. Времени на раздумья оставалось мало. Если вражеская провокация увенчалась успехом и Ван Ли погиб, следовало срочно сообщить об этом Преображенскому, но подать все следовало так, чтобы Князь ни на секунду не усомнился в верности

сти союзников и соблюдении ими всех положений мирного договора. Да, главное – правильно подать...

А иначе все рухнет. И неизвестный враг победит еще до того, как покажет свое истинное лицо. Ведь если Преображенский решит, что Ван Ли устранили сами технократы, не миновать новой войны...

* * *

Игорь Воротов неспешно прогуливался по первому этажу великокняжеского дворца. После трехдневной ревизии ему было о чем подумать. Горохов не то чтобы запустил все дела, но почти ничего не улучшил. Охранная служба поставлена прилично, но это сделал сам Воротов, еще до отлета на Каллисто. Во всем прочем дворцовая жизнь оставалась в полном раздразе. Ремонт разрушенных покоев шел медленно, а штаты комплектовались с трудом. В первую очередь потому, что людей уцелело мало, а снежный ком неотложных дел безостановочно рос. И не только в Кремле или в столице, но по всей планете, да и в Колониях.

Финальный аккорд Катастрофы – зловещая Метаморфоза, когда орды красных космических чудищ истребили бесчисленное количество народа, – поставил перед выжившими землянами труднейшую задачу. Им предстояло налаживать жизнь в условиях жестокого дефицита всего на свете. Начиная с промышленных роботов и рабочих рук, заканчивая элементарными вещами, вроде бытовых мелочей, расходных материалов и продуктов. Одно цеплялось за другое. В отсутствие специалистов замерло производство, строительство и техническое обслуживание предприятий, транспорта и городского хозяйства. Социальная сфера просто умерла. Медицина лечила только добрым словом и остатками лекарств, производить новые партии которых стало некому. Дефицит товаров и продовольствия снижал уровень жизни, сфера услуг и торговля хирели без продавцов и покупателей...

Предприятия и компании пытались удержаться на плаву, обучая новый персонал, но это затягивало процесс возобновления производства. Поэтому главным в конкурентной борьбе стало элементарное переманивание уцелевших специалистов. Постепенно погоня за кадрами приобрела довольно опасные формы, и в процесс пришлось вмешаться спецслужбам. Это несколько ослабило напряженность, но проблемы так и не решило...

За время пребывания во дворце полковник Воротов успел взвесить все факты и пришел к однозначному выводу: происшествие в Кремле так или иначе связано с разразившимся после Метаморфозы кадровым кризисом. Роботы технократов были тут ни при чем. Тот, кто, пользуясь кадровой неразберихой, проник во дворец и взорвал хранилище в надежде выкрасть перстень Тирана, был человеком. Причем подданным ОВК. Прямых свидетельств этому пока не нашлось, но Игорь всегда умел выделять из любой совокупности фактов главное и видеть скрытый смысл событий.

Вольно или нет, кто-то из придворных нанял тщательно законспирированного агента враждебной ОВК стороны, и тот попытался выкрасть у Преображенского символ галактической власти. Чей это агент и кто его нанял? Скорее всего, лазутчик – бывший подчиненный Бородача или колонист с одной из неблагонадежных планет «черного списка». А кто по недомыслию привел его во дворец?.. Да кто угодно. Тщательно проверять кандидатов было некогда. И на фоне прочих кружащих над ОВК свинцовых туч шпионские облачка выглядели вполне невинно. Убийцу к Преображенскому никто не подпустит – одни только роботы-охранники чего стоят, – а государственные секреты надо выведывать не в Кремле, а в профильных министерствах на Старой площади и Охотном Ряду. В общем, не шпион – главная проблема для разведки и контрразведки ОВК. Воротова больше тревожило другое. Например, то, что чиниды ушли за Рубеж и притаились, что-то там потихоньку заваривая. Вряд ли новую военную кашу, силенок маловато, но вполне возможно – крупную диверсию. А еще беспокоило то, что тех-

нократы клянутся в верности, но происшествие на Ромме пока не получило правдоподобного объяснения. Вчера туда отправилась большая группа следователей во главе с Зотовым – тем самым следователем прокуратуры, который выступал в качестве главного обвинителя на процессе по делу о мятеже на Терции. Никому другому Преображенский не доверял. Пока Зотов никаких выводов не сделал, и технократы формально оставались союзниками, но полного доверия к ним уже нет и не будет. Такой вот пока невеселый расклад...

Воротов вспомнил, как отреагировал Сергей Павлович на известие о гибели Ван Ли и Казакова. Игорь не видел Великого Князя таким расстроенным со времени гибели княгини Нины. Даже после кончины Гордеева Сергей не был настолько подавлен. Воротов знал, что Ван Ли был для Преображенского и другом, и наставником в «потусторонних» делах, и кем-то вроде ангела-хранителя. Потерять такую поддержку не только тяжело, но и опасно.

Но тут уже ничего не исправить. Чем дольше молчал Зотов, тем меньше оставалось надежд, что Ван Ли выжил и на этот раз. Похоже, теперь ему не помогли ни покровители в неведомых высших сферах, ни собственная загадочная сила. И вряд ли реальной причиной его гибели стал сбой в технократских боевых программах. Тот, кто натравил рой летающих машин на Ван Ли, сделал гораздо больше, чем могли предположить растерянные технократы или следователи с Земли. Преображенский так и сказал: «Это дело рук Высшего или кого-то из Перворожденных... хотя я сомневаюсь, что у этих существ есть руки...»

Если так, то невидимый враг сначала нейтрализовал защиту Ван Ли, сделал его уязвимым, а уж затем использовал возможности роботов. Как это ему удалось – кто знает? Даже Сергей Павлович вряд ли в курсе, а уж он-то не однажды выходил на связь с сущностями из иного измерения и кое-что в их делах понимает.

– Игорь Ярославич...

Воротов отвлекся от размышлений и обернулся. Позади него стояла Катерина, подруга Горохова и бывшая фрейлина княжны Татьяны Гордеевой – ныне проживающей на Европе, в ссылке за то, что поддержала мятежников.

– Здравствуй, Катюша, – Воротов улыбнулся. – Что ты хотела?

– Я... – Катя нервно мяла платок, а в глазах у нее стояли слезы. – Игорь Ярославич, я... Может быть, вы на него повлияете? Ну поговорите с ним по-мужски! К Великому Князю с такими глупостями я обратиться не решаюсь, но вы тоже можете его... образумить!

– Кого? – Игорь в недоумении покачал головой. – Сергея Павловича?

– Нет, почему Сергея Павловича? Сашу! Горохова... – Катя снова всхлипнула.

– А что случилось?

– Ну... это личное... Ой, так глупо... Он после командировки какой-то не такой стал, совсем дома не появляется. Извините, я с такой ерундой и сразу к вам... Извините, я пойду.

– погоди, Катя, – до Воротова наконец-то дошло. – Он бросить тебя решил, что ли?

– Я не знаю, – девушка потупилась и скрутила платок в мокрый жгутик. – Я пойду.

– Да погоди ты! Он после Грации такой стал?

– Он там с кем-то познакомился. Я это чувствую. А я ему больше неинтересна...

– Тяжелый случай, – пробормотал полковник. – Как же я тут могу подействовать? Приказать ему... сама понимаешь, не та ситуация. Но чисто по-мужски поговорю, обещаю.

– Спасибо, – Катя отвернулась и утерла слезы.

Воротов никогда не сомневался, что Горох еще тот кобель. Но раньше все как-то обходилось, а теперь... похоже, встрял лейтенант. Катерину так запросто по борту не пустишь. Она женщина хваткая.

– Ты не плачь, успокойся... – Игорь обнял девушку за плечи и осторожно привлек к себе. – Не стоит он того. Подумаешь, адъютант. Плюнь на него да найди другого.

– Я не хочу другого, – снова всхлипнула Катя. – Простите...

Она высвободилась из его объятий и убежала в покои княжны Оксаны Гордеевой – теперь Катя служила у нее. Воротов вздохнул. Дать бы этому Гороху по балде. Такую девушку обидел! Это, конечно, их личные дела, но все равно нехорошо.

– Господин полковник!

– Легок на помине, – Воротов смерил взглядом запыхавшегося великокняжеского адъютанта. – Что стряслось?

– Не могу знать! Его светлость вас к себе требует.

Воротов взглянул на экранчик наручного коммуникатора. Там действительно высветились строчки вызова, но отсроченного. Так решил приборчик. Игорь покачал головой. «Техника решала все». Зачастую в прямом смысле. Определяла эмоциональный фон абонента и «помогала» владельцу сортировать дела по степени важности. Вот только не учитывала мелочей. Например, того, что даже спокойный и вроде бы походя брошенный вызов к Великому Князю подлежал немедленному исполнению.

– Идем. Поговорим заодно по дороге.

– Опять ругать будете? – Горохов насупился. – Ну не справился я с охраной, но я же предупреждал, нет у меня к этой работе способностей!

– Зато к другому у тебя большие способности, – Воротов легонько ткнул его кулаком в бок. – Ты почто Катерину обижаешь?

– Наябедничала? – Горохов вздохнул. – Ну остыл, что теперь поделать? Я ей все объяснил, культурно и спокойно, а она в рев...

– Что ты ей объяснил?

– Ну ничто, мол, не вечно, в первую очередь – нежные чувства. И все такое.

– А может, ты просто новую бабу себе завел? – Воротов придержал лейтенанта за рукав и развернул к себе лицом. – На Грации, например.

– Какой смысл? – Горохов порозовел и отвел взгляд. – Туда ж не налетаешься. Даже по выходным. Дороговато выйдет такой роман поддерживать.

– А раз так, чего ж ты выделяешься? Барышню до слез доводишь.

– Ну остыл же, говорю. Господин полковник, ну вы не понимаете, что ли?

– Врешь же, по лицу видно.

– Вру, – Горохов обреченно кивнул. – Только, кто знает, может, это настоящее чувство? Я как с Грации прилетел, все время о той девице думаю.

– Как звать?

– А вам-то зачем? – Горохов насторожился. – Ну Шура. Ермакова.

– Ермакова? – Воротов задумался. – У нее родственников на Эйзене нет?

– Отец там начальником охраны Седьмого литейного служит.

– Вот как, – полковник покачал головой. – Тогда нелегко тебе придется, Горох. Связи с Эйзеном, сам знаешь, не приветствуются.

– Так она же на Грации живет! И вообще, дети за родителей не в ответе.

– Хоть красивая?

– Не то слово...

– А не боишься, что новая пассия хуже прежней окажется? Она, может, и симпатичная девица, но кто знает, какова по характеру? А ежели мегера на самом деле, тоже так вот поматросишь и бросишь?

– Игорь Ярославич, я же сердцу не могу приказывать, – Горохов тоскливо взглянул на потолок. – И вообще, по нынешним временам нам надо шире на такие вопросы смотреть.

– Это как?

– Рождаемость повышать! Народу-то с гулькин... хвост осталось! Я бы на месте Сергея Павловича указ издал: мужчинам гулять, женщинам не ревновать, никому не предохраняться, всем рожать! В связи с государственной необходимостью!

– Это, извини за выражение, какой-то блуд государственных масштабов получится, – Воротов рассмеялся.

– Почему сразу блуд?! Нормальный здоровый секс на благо Родины!

– Да-а уж... Но вообще-то мысль интересная...

– Ну вот! – снова оживился Горохов.

– Надо разработать государственную программу повышения рождаемости, – строго перебил его Игорь. – Все остальное – лишнее. Постой, а с чего ты об этом заговорил? Катерина, случаем, не в положении?

– Ну... есть маленько, – Горохов почесал нос.

– Тогда слушай внимательно, ловелас, – Воротов сжал здоровенный кулак и показал его Горохову. – Сделаешь аборт из-за твоего кобелирования – лично морду тебе расхрястаю, понял?

– Не-е, не сделает, – в глазах лейтенанта промелькнул испуг. – Поздно уже.

Горохов отлично знал, что Воротов человек слова. И Великий Князь его не остановит. Просто не будет останавливать, потому что согласится с Игорем Ярославичем по всем пунктам обвинения. В этом лейтенант не сомневался. Все-таки знал их обоих не первый день и даже не первый год. Князь и воевода одного поля ягоды – как, в общем-то, и сам Горохов – поля под названием Каллисто.

– Тем более. Гляди у меня, кобелина!

На счастье Горохова, перед ними наконец-то оказались двери в покои Великого Князя, и больше ничего плохого Воротов не пообещал, только напоследок снова погрозил кулаком.

Двери раскрылись, и сидящий за столом Преображенский успел заметить жест Воротова.

– Что он опять натворил? – Сергей указал полковнику на кресло. – Здравствуй, располагайся.

– А-а, – Воротов махнул рукой. – Донжуан объявился... Решил рождаемость в Галактике повысить. В меру скромных сил. От Земли до Грации мишени в юбках наметил и теперь их обрабатывает.

– Не зря, значит, слетал в Пояс Освоения? – Князь усмехнулся. – Новую подружку «освоил»? А как же Катерина?

– О том и речь, – Воротов одарил Горохова убийственным взглядом. – Не успела одна округлиться как следует, а он уже вторую пользуется. Кобель...

– Моя вина, – продолжая улыбаться, сказал Великий Князь. – Это же я его на Грацию послал.

– Но вы же не приказывали ему там девок окучивать! Можно подумать, тут с ними дефицит! Нам специалистов не хватает, а девок... Этого-то добра полна горница.

– Что верно, то верно...

– А я и предлагаю, – осмелев, встрял Горохов. – Мужскому населению надо вольную дать. Иначе половина барышень так в девках и пропадет, товар-то скоропортящийся. А нам народонаселение надо восстанавливать!

– Помолчи, – Преображенский поморщился. – Тебе и таким, как ты, только дай вольную, потом не разберешь, кто кому родней приходится. Так кровей намешаете, кони в яблоках, через сто лет выродимся к дьяволу...

– Да, я конь! Не отрицаю! С большими медными... копытами, как у коллеги, с которого Долгорукий уже три века машет! Но это же природа! Как против нее попрешь?!

– Угомонись, секс-агитатор. Разошелся тут... – Преображенский указал на дверь. – Чаю нам сооруди.

Адъютант облегченно вздохнул и выскочил за дверь. Он понимал, что ничто еще не закончилось, теперь Воротов, да и Великий Князь будут следить за развитием событий на его личном фронте, но вряд ли пристально. Конечно, если Катерина снова не пожалуется или княжна Оксана за нее не похлопочет. Поговаривают, что вторая дочь Гордеева теперь

частенько к Великому Князю заглядывает... во внеурочное время. Вот ведь влип! Дернул черт на Шуру запасть. Но ведь как все было: она хвостом крутила и глазки строила по полной программе, но начнешь подкатывать – сразу в отказ. Игра известная. Видимо, пыталась сразу в жены набиться. Но Горохов тоже не первый день на войне. В общем, пришлось постараться, ведь улететь, не одержав победы над этой провинциальной красавицей, было ниже его достоинства. Вот и довыпендривался, фронт столичный. Победу-то одержал, да только не по схеме «победил и забыл», а наоборот – втрескался, как «юноша бледный с взором горящим»...

Когда Горохов вернулся с чаем, Преображенский сменил недовольство на милость.

– Останься пока, – он указал диван в углу и вновь обернулся к Воротову. – Значит, все-таки Колонии воду мутят?

– Уверен.

– Ну что ж, будем иметь в виду, – Сергей откинулся на спинку кресла и помассировал веки. – Суммируя все сведения, могу сказать одно – надвигается новый шторм. Причем ветер дует сразу с четырех направлений. Все эти странные явления на Грации, – он бросил ироничный взгляд на Горохова, – и в других местах, шастающие по Кремлю тайные агенты колонистов, гибель Ван Ли и Казакова на Ромме, явное охлаждение отношений с чинидами... все это звенья одной цепи. Кто-то очень тщательно готовит почву для новой неприятности. Я не знаю, кто непосредственный руководитель заговора, но склонен думать, что догадываюсь, кому это выгодно.

– Этим, – Воротов указал взглядом на потолок.

– Да, перворожденным. Сущностям из соседних измерений. Сами они не в силах что-либо сделать, ведь в нашем материальном мире они не более чем виртуальные образы, причем невообразимых размеров. Но они могут выходить на мысленную связь с людьми. И нанимать из их числа исполнителей.

– Бородача? – Игорь явно засомневался.

– Нет.

– Тогда кого? Ергелана? Если честно, я думаю, что, кроме покойного Конты, ни одного подходящего кандидата против нас не выставлялось.

– Он тоже не был кандидатом, – возразил князь. – Его угробили метаморфы, а они – составные части любого из хранителей. Зачем Высшему уничтожать своего подопечного?

– Может, другой хранитель Конту убрал? – неуверенно предположил Горохов. – Ну чтобы Высшему насолить. Или они не ссорятся?

– Они структурные компоненты единого Первополя. Нет, Горох, не так они мыслят, не по-человечески. А из этого следует, что и Конта не был агентом Высшего в нашем мире. Скорее всего, перворожденные надеялись, что все их проблемы решит Метаморфоза, но не вышло, и они начали второй раунд. Я вполне допускаю, что фокусы на Грации – это следы прибытия на нашу станцию нового пассажира, этакие круги на воде. Понимаешь?

Горохов кивнул и наморщил лоб, что-то припоминая.

– Летучий Голландец! – наконец выдал он. – От Трентона пришло сообщение, что он видел «Агат-113» в точке примерно такого же, как на Грации, необъяснимого явления. Прямо в пространстве полигона у Натали. И было это как раз после моего возвращения на Землю. По времени получается в самый раз: прыжок с Грации к Земле и к Натали занимает одинаковое время. Этот «Агат» сгинул лет тридцать назад, а тут вдруг всплыл и рванул в неизвестном направлении. Предположительно в сторону Солнечной. Может, на нем «пассажир» и прилетел?

– Что же ты молчал?! – возмутился Преображенский.

– Так я думал – мелочь. Подумаешь, померещилось что-то там старому хрычу спросонок!

– Да, припоминая, Хренов докладывал, что «беркуты» получали предупреждение о возможном прибытии в Солнечную корабля устаревшей конструкции, – задумчиво произнес Воротов. – Но так его и не дождались.

– Думаешь, он и есть «голландец»? – Сергей Павлович потер подбородок. – Посланник хранителей?

– Не знаю. Только других антикварных кораблей за последнюю неделю никто в Солнечной не встречал.

– Этот, получается, тоже проморгали.

– Я побеседую с патрульными, конечно, со всем старанием, но вряд ли это что-то даст, – Воротов покачал головой. – Если воскрешение «Агата» связано с началом нового наступления...

– В таком случае образ главного врага обретает определенные черты, – перебил его князь. – Человеческие. Появись новый протезе перворожденных в виде эфемерной сущности, мы бы его не отследили. Но, видимо, ему и самому невыгодно присутствовать на сцене в виде тонкой структуры. И это уже кое-что. С человеком, даст бог, мы справимся.

– Справимся, – Воротов кивнул. – Только возникают две проблемы – неизвестно, где искать этого «засланца» и как он выглядит.

– Проблем больше, – Сергей Павлович побарабанил пальцами по столу. – И поиск – не главная. Придет время, пришелец объявится. А вот узнать, кто этот фрукт на самом деле, и, желательно, до того, как мы встретимся с ним на поле боя, было бы весьма полезно. Если он наемник, это одно, а вот если такой же непростой субъект, каким был Ваня...

Преображенский на несколько секунд умолк. Упоминание о Ван Ли в прошедшем времени причиняло ему боль. Очень уж многим был обязан князь этому маленькому улыбчивому человечку...

– В общем, как бы ни хотелось нам мира, а придется готовиться к новой войне. Завтра в восемь соберем генералов и набросаем общий план.

– В Генштабе уже есть толковые планы обороны и контрударов, – заметил Воротов.

– В них учтено вмешательство хранителей? – Преображенский искоса взглянул на Игоря.

– Нет, – тот отвел взгляд. – Но ведь это пока теория. Я считаю, что никакой боеспособной коалиции не сколотить ни посланнику, ни самим хранителям... если они существуют.

– А я так не считаю, – твердо возразил князь. – Я почти уверен, что, если на «Агате» прилетел посланник хранителей, он легко убедит оппозицию в своей непобедимости. Бородач и неблагонадежные Колонии примкнут к его компании без вопросов. Чиниды, пожалуй, тоже. А Технократия, скорее всего, уйдет в сторону.

– Но ведь еще ничего не ясно, почему вы так уверены, что эти ваши перворожденные кого-то заслали? Откуда такая категоричность, ваша светлость? Лично я не вижу для нее решительно никаких оснований, – заупрямился Воротов. – Ну прилетел непонятно кто, ниоткуда и на древнем корыте... Мало ли всяких деятелей сейчас шныряет по Галактике? В трудные времена всегда найдется какой-нибудь «революционер». Да не один. Что же теперь, считать их всех агентами из запредельных пространств? Осторожность, конечно, дело полезное, но стоит ли бояться каждого куста?!

– Это не страх и даже не осторожность, – устало ответил князь. – Это... если угодно – интуиция. Или нечто похожее. Я не могу внятно объяснить, Игорь, откуда у меня появилась такая уверенность. Может быть, оттуда...

Он поднял взгляд к потолку.

Полковник лишь недоверчиво покачал головой. Он понимал, что оспаривать такие утверждения бессмысленно. Даже если Преображенский заблуждается и выдает свои домыслы за подсказки свыше, этого не опровергнуть. Не стоило даже пытаться. Это как доказывать глубоко верующему, что Бога нет, – пустая трата времени. Во-первых, нет фактов, подтверждающих как его отсутствие, так и наличие, а во-вторых, вера в доказательствах не нуждается. Факты нужны скептикам... Таким, например, как Воротов.

– А если тебе мало фактов, – Сергей Павлович будто угадал, о чем думает полковник, и подвинул Воротову листок-терминал со свежей разведсводкой, – вот, прочти...

– Концентрация крупных сил чинидов вокруг Моситы... Это же у самого Рубежа!

– Вот именно. А теперь прочти это... – он прикоснулся к терминалу, и на нем появилась сводка почти недельной давности.

– Преследование пограничными кораблями группы нарушителей... которых за Рубежом встречал крупный конвой чинидов... Корабли-нарушители идентифицированы как колониальные, кроме... Черт! Кроме корабля-разведчика класса «Агат»!

– Вот именно, – повторил князь и подался вперед. – Теперь ты понимаешь, откуда ноги растут? Сначала залихорадило Грацию, затем «Агат» появился из пустоты поблизости от Натали и направился в сторону Солнечной, чуть позже был вот этот прорыв сквозь Рубеж, потом несчастный случай на полигоне Роммы, а теперь чиниды готовятся к новой атаке. И, думаю, вовсе не учебной. Достаточно оснований для беспокойства?

– Так бы сразу и сказали, – буркнул Воротов. – К восьми утра новый план будет готов.

– Вот и отлично, – Сергей Павлович встал. – Значит, до утра. Горох, тоже отдыхай.

Воротов и лейтенант вышли из покоев и остановились посреди коридора.

– Ты в какое крыло? – иронично поинтересовался Игорь.

– А вы будто не знаете, где я обитаю? – Горохов обиженно надулся.

– Раньше вы с Катериной в правом проживали, а теперь... не знаю.

– Там же, – лейтенант сунул руки в карманы и, бормоча себе под нос что-то вроде «воспитатели нашлись», поплелся в правое крыло.

– То-то, – удовлетворенно проронил полковник и поднялся на второй этаж.

Он уже входил в свою комнату, когда снизу донесся звук открывшейся двери. Воротов сделал несколько шагов к краю внутреннего балкона и осторожно взглянул вниз. Из своих покоев вышла княжна Оксана Гордеева. Игорь шагнул за колонну, и с новой позиции ему стали видны двери в апартаменты Преображенского. Слухи, которые долетели до Воротова, едва он вернулся с Каллисто, получили наглядное подтверждение. Когда княжна подошла к дверям, роботы-охранники даже не шевельнулись, а двое десантников лишь вежливо козырнули, и не думая интересоваться целью полночного визита. Княжна Оксана скрылась за дверями апартаментов Великого Князя, и на этаже снова стало тихо...

«Ну и славно... – подумал Воротов. – Не век же им обоим вдовствовать. В открытую, конечно, встречаться рано. Траур пока не кончился. Но раз появилась симпатия, значит, оживают люди, отходят от горюшка. И правильно. Жизнь-то не бесконечная, чтобы на печаль ее расходовать...»

* * *

Что есть тоска и безысходность? Трудно сказать. Для каждого эти напасти выглядят по-своему. Кому-то тошно от скучной работы, другому от праздности. Кто-то тоскует по потерям, кто-то по охладевшим к ним любимым. Некоторые и не понимают, отчего киснут. Но есть ситуации, в которых загрустишь, будь ты кем угодно: хоть заядлым оптимистом, хоть невозмутимым увальнем. Когда в потолке люк с крошечным окошком, ты прикован к стене прочными кандалами, а железные двери твоей темницы заперты снаружи – особо не порадуешься. Нечему.

Майор Трошкин в очередной раз подергал цепь. Она была продета в толстые соединительные кольца четырех пар наручников – по паре на пленника – и прямо в звенья, по краям и посередине, прибита к стене здоровенными штырями с массивными шляпками. Штыри были вбиты в каменную стену намертво. Расшатать невозможно. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд.

– Будь у нас термитный порошок и вода, можно было бы расколоть этот камень в три-четыре приема, – сказал ефрейтор Бабин, бросив взгляд на неподатливый штырь. – Сначала накалил его, затем плеснуть воды, потом снова накалил и так далее... Треснул бы, как миленький.

– Термит, пластит... Может, еще «зверя» тебе подать? Умный ты, Старшой, да только не в такт плясешь, – мрачно пробормотал сержант Чайкин. – Понятно, что с подручными средствами мы давно бы отсюда умотали.

– А я все-таки предлагаю вчетвером навалиться, – подал голос третий из выживших в кораблекрушении бойцов, рядовой Костылев. – Цепь, конечно, толстая, не порвать, но хоть дюбель этот расшатаем.

– Мы вроде по-русски говорим, а ты снова то да потому. Чем ты слушаешь, Костыль? Или ты вздремнул малость? Не выдернуть нам этот штырь, крепко вколочен.

– Не пробовали еще толком, – возразил Костылев. – Господин майор, я же прав! Прикажете им попробовать. Иначе так тут и сгнием. Или на ужин к краагенам попадем. На фиг нам это упало?

– Да без усилителей не справимся!

– Ленивый ты, Чайка! Даже когда смертью в задницу подуло, все равно тебе лень пошевелиться...

– Стоп, – Трошкин поднялся с вороха сена, пахнувшего как полынь, только еще острее. – Прав Костылев, сидеть и покорно ждать сектыма нам невыгодно. Надо сбросить оковы, а там...

– А там хрен они нас остановят, – поддержал инициативу ефрейтор Бабин.

Оставшемуся в меньшинстве Чайкину оставалось лишь кивнуть.

Все четверо поднялись на ноги, уперлись пятками в землю и ухватились за цепь. Командовать Трошкину не пришлось. После третьего рывка все вошли в ритм даже без традиционного «Раз-два, взяли!».

Пыхтели и упирались они больше получаса. Затем, немного отдохнув, продолжили. К исходу второго часа тяжелых упражнений в «перетягивании цепи» проявился результат. Правда, не тот, которого они ожидали. Лопнуло крайнее звено.

В результате на свободе, правда, со скованными руками, оказались Бабин и Трошкин. Чайкину и Костылеву «повезло» попасть в промежуток между средним и правым штырями.

Пришлось начинать все с нуля.

Правый штырь едва зашатался, когда до охраны наконец-то дошло, что в камере слишком шумно. Пока охранник возился с замком люка, земляне успели рассестись вдоль стены и кое-как приладить обрывок цепи туда, где он был раньше.

Люк в потолке открылся, и в просвете показалась багровая физиономия надзирателя. В этой тюрьме вся охрана комплектовалась уроженцами планеты Крааг, теми самими кровожадными тварями, которые затачивали зубы наподобие клыков и считали деликатесом свежую человеческую кровь.

– Шумим? – крааген недобро улыбнулся, демонстрируя зубы. – Деремся?

– Ну, – ефрейтор Бабин, делая вид, что по-прежнему прикован, встал и потянулся. – Греемся.

Он, неожиданно для краагена, сделал два коротких шага и прыгнул вверх. Охранник успел отпрянуть, но, видимо, не знал, что такое баскетбол и насколько высоко могут прыгать те, кто в него играет. Ему следовало не просто отпрянуть, а упасть на спину и спешно откатиться подальше от люка. Но крааген этого не сделал, и Бабин воспользовался его ошибкой. Он ухватил надзирателя за шею и втащил в просвет люка.

От удара о землю крааген на секунду потерял сознание и больше никогда его не «отыскал» – Бабин неуловимым движением свернул ему шею.

– Наверх! – приказал ефрейтору Трошкин, поднимая оружие охранника и целясь в оставшиеся штыри.

Бабин вынул из чехла на бедре краагена нож, зажал его в зубах и, подпрыгнув, уцепился за края люка. Пока другие охранники не поняли, что происходит, следовало развить успех. Мощное тело двухметрового Бабина качнулось вперед, затем резкий мах ногами, и подалось вверх. На армейском жаргоне этот гимнастический элемент назывался «склепка».

Трое оставшихся охранников, беспечно сидевших за столом и азартно игравших в подобию нарда, в спортивных играх землян разбирались так же плохо, как их канувший в подземелье товарищ. С точки зрения надзирателей, мгновенное появление из подвала здорового землянина выглядело далеко не как гимнастический трюк...

Впрочем, на самом деле для них это никак не выглядело. Какое-то движение, тень на фоне отблеска вспышек в подвале, свист рассекаемого сталью воздуха, кровавая пелена и темнота...

Бабин потратил на уничтожение троих краагенов ровно две секунды. Затем он запер изнутри дверь караулки, посреди которой и располагался люк «зиндана», нашел ключи и, расстегнув наручники, вытянул из ямы товарищей.

– Отличная работа, – Трошкин отшвырнул расстегнутые кандалы и хлопнул ефрейтора по плечу. – Теперь задача номер два – найти космодром...

Солдаты проверили трофейное оружие, сунули за голенища ножи и бесшумно двинулись по тюремному коридору. По пути им попались два поста и трое солдат свободной смены, но земляне не задержались ни на секунду.

– Это вам, суки, не полумертвыми нас брать, – процедил сквозь зубы Костылев. – Попробуйте теперь высунуться... Коз-злы...

Краагены все-таки высунулись и даже объявили тревогу, но уже после того, как пленники прорвались к воротам и захватили небольшой магнитоплан, или на языке чинидов – летун.

Оказалось, что курсовая пушка у летуна всего одна, но ее мощности вполне хватило, чтобы выставить ворота и расчистить дорогу от несерьезных заграждений, которые наспех соорудили всполошившиеся охранники.

Погоня организовалась тоже с запозданием, а потому севший за джойстик управления Бабин легко ушел от наметившегося преследования и направил летун в глубь запутанных жилых кварталов ближайшего городка.

– Мы на окраине Аррана – главного города этой планеты, – сообщил Чайкин, изучив картинку в экране навигатора. – Ближайший космодром в двадцати километрах к северо-востоку. Если по этой улочке проехать еще километр, выйдем на трассу – она ведет прямо к космодрому...

– Мы не будем искать легких путей, – Трошкин усмехнулся. – Там нас наверняка встретят. Прокладывай маршрут по задворкам.

– Тогда вот так, так и так, а потом сюда, – Чайкин поводил пальцем по экрану. – Старшой, понял?

– Нет, отвлекся.

– Смотри еще раз: вот сюда, потом сюда, а здесь направо, понял?

– Есть, – Бабин прибавил скорости. – Пристегнитесь.

– Тут и ремней-то нет, – буркнул Костылев, поудобнее устраиваясь в кресле. – Господин майор, а на космодроме как будем действовать?

– Как обычно... будете. Бабин, притормози.

– Зачем?

– Разговоры!

Летун остановился, и Трошкин выпрыгнул на тротуар.

– Господин майор! – возмутился Чайкин. – Вы это зачем?!

– Я останусь. Здесь что-то затевается, и я не имею права не узнать – что.

– Вину заглядить хотите? – Бабин едва заметно усмехнулся.

– Поговори у меня, – Трошкин хлопнул ладонью по борту. – Валите! Это приказ! Расскажите нашим все как есть: чиниды что-то затевают, силы накапливают. А я, как разведу что-нибудь конкретное, на связь с пограницами выйду, пусть постоянно ждут сигнала на чинидских частотах. Ясно?

– Так точно!

– Езжайте!

Летун тронулся сначала неуверенно, но быстро набрал скорость и скрылся за поворотом. Трошкин забросил на плечо винтовку и оглянулся. Народу по окраине бродило немного, но достаточно, чтобы среди прочих нашелся «сексот» местной охраны или хотя бы особо бдительный гражданин. Однако никто не обращал на чужака никакого внимания. Если честно, Трошкина это слегка удивило. Вроде бы и форма на майоре необычная, и ростом он выше всех, но народ в Арране оказался абсолютно нелюбопытным. Впрочем, оно и к лучшему, меньше нервов. Скорее всего, здесь уже привыкли к многообразию униформ и внешности солдат, составляющих разношерстную, «сборную» армию Тирании.

Майор сверился с картой, скачанной из навигатора летуна в его личный комп, и пошагал в сторону центра. Преследования он не опасался. Краагены будут искать беглецов на летуне, это раз, и сосредоточатся на окрестностях космопорта, это два. Но и это произойдет еще не скоро. Ребята, во всяком случае, успеют захватить подходящий кораблик и смотаться. Если, конечно, не задержатся в пути. Расстояние мизерное – двадцать километров по пустой окраине – но всякое бывает...

...Ефрейтор Бабин остановил машину в двух кварталах от того места, где высадил Трошкина. Ничего объяснять ему не пришлось. Костылев спрыгнул на обочину и сорвал три травинки. Одну из них он укоротил наполовину и, зажав жребий в кулаке, обернулся к товарищам.

Короткую вытянул Чайкин.

– Все по-честному, Чай, – Бабин пожал сержанту руку. – Шансов у нас с тобой поровну. Если успеешь прорваться на космодром до того, как краагены признаются, что лопухнулись, ты запросто захватишь какую-нибудь гражданскую скорлупку или малый боевой катер, а если нет...

– Я понимаю, – Чайкин недовольно скривился. – Только шансов у нас не поровну. У меня один к одному, а у вас один из ста...

– Подумаешь, пара лишних нулей, – Бабин рассмеялся. – Нельзя иначе. В одиночку майор пропадет. Десять тысяч против одного.

– Плохо ты о нем думаешь, – сержант удивленно взглянул на задумчивого Бабина. – Ты что, командира не знаешь? Он же профи высшей пробы!

– Я знаю, – ефрейтор кивнул. – Только тут что-то не так. Уж очень легко мы вырвались, и погони нет. Керосином дело пахнет. Как бы нас не подставили.

– Кто? Здесь-то мы кому нужны?

– Вот и я об этом думаю. Но пока ничего не придумал.

– Может, нагнетаешь?

– Может. Но все равно надо быть начеку. Тебе тоже, Чай. Будь осторожен.

– Буду, Старшой. Разбежались, – Чайкин обреченно кивнул. – Удачи! Костыль, доброй охоты!

– Тем же концом, по тому же месту, – Костылев махнул рукой. – Привет любимой Данае...

...Трошкина солдаты нагнали минут через десять.

– Ты почему приказ нарушаешь? Под трибунал захотел? – Трошкин строго взглянул на ефрейтора.

– Никак нет! Кто ж в здравом уме такого захочет?

– Говорливый больно.

– Так точно, виноват! Но появились новые стратегические соображения, господин майор!

– Соображения – не сведения, в зачет не идут. Вернемся – получишь по полной программе.

– Есть!

– Ладно, докладывай...

Бабин коротко и четко изложил соображения и мотивы, толкнувшие его на нарушение приказа, и резюмировал:

– Что и требовалось доказать. Если б нас не «вели», мы бы давно уже были по уши в крови. А тут – пожалуйста: никакой погони, ни за вами, ни за нами. Еще и Чайкина выпустят беспрепятственно, будьте уверены.

– Возможно, – майор задумался. – Непонятно только – кто и зачем нас пасет?

– Может, страхуется кто-то из заговорщиков. Да тот же Ергелан!

– Нет, он если что задумал, то пойдет до конца. Вот его новый дружок, землянин по имени Андрей – он фигура темная, может и подстраховаться. Хотя как тут поймешь, что у кого на уме?

– В любом случае, нас «ведут» и это плохо, – вмешался Костылев. – И как оторваться, мы не знаем.

– Значит, придется гнуть свою линию, – решил Трошкин. – Идем в логово.

– Вот-вот, – Бабин многозначительно усмехнулся. – У вас на трофейной карте, поди, и маршрут любезно отмечен и логово крестиком обозначено.

– Не усложняй, – теперь усмехнулся Трошкин. – Логово – это дворец наместника. Подобные заведения даже на туристских схемах обозначаются. Вот здесь он, в юго-западном районе. Час ходу...

Бабин с сомнением покачал головой, но от дальнейших комментариев воздержался. Земляне повесили винтовки так, чтобы они не болтались на виду, и двинулись к дворцу наместника. Как и предсказывал Бабин – абсолютно беспрепятственно. Через полчаса они вообще вышли на одну из центральных улиц и двинулись в гущу толпы. Никто на них не обращал решительно никакого внимания. Даже полицейские на перекрестках лишь равнодушно скользили по рослой троице взглядами. Когда до дворца оставалось около квартала, с сомнениями ефрейтора согласился даже Костылев.

– Подколка какая-то... Может, нас еще на совещание вражьего генштаба пригласят, в почетную ложу, и чаем напоят?

– Постойте! Господин майор, разрешите, я кое-что проверю... – Бабин подошел к миловидной девушке, торгующей какими-то фруктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.